ПОКА ДЕРЖИТСЯ ШОВ



САША ТРУБЕН

Саша Трубен

Пока держится шов

«Автор»
2026

Трубен С.

Пока держится шов / С. Трубен — «Автор», 2026

Ремень Онисима не порвался. Он перестал держать хлеб — и три путевых двора закрылись перед стариком накануне зимнего перегона.Шорница Марена находит под швом чужую медную скобу. Кто её поставил и почему из-за одной детали отказывают сразу три двора? В поисках ответа Марене помогает хозяин обоза Савел. Он знает старую дорогу и помнит тот случай, после которого чужие долги начали переходить с одного ремня на другой.Каждая проверка приближает Марену к разгадке и к Савелу, рядом с которым ей хочется задержаться после работы. Но если она ошибётся и распустит шов, без приюта могут остаться уже не трое. А если промолчит — следующей зимой одна старая подпись решит, кому откроют дверь во всей степи.

© Трубен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Чужая скоба 5
Глава 1. Хлеб на дорожной нитке 5
Глава 2. Голубой порог 9
Глава 3. Запасное место 12
Глава 4. Чей двор попросил 16
Глава 5. До первого колокольчика 19
Глава 6. Две подписи 23
Глава 7. После выдачи 26
Глава 8. Две шкуры 29
Глава 9. Откуда приходит приказ 32
Глава 10. На другой стороне ворот 35
Глава 11. Тепло по описи 38
Глава 12. Чужая сторона полотна 41
Глава 13. Подъём в две лошади 44
Глава 14. Лёгкое место 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Саша Трубен
Пока держится шов

Часть I. Чужая скоба

Глава 1. Хлеб на дорожной нитке

Серафима отрезала Онисиму хлеб, завернула в холст и подвинула через стол. Онисим положил ладонь на свёрток. Хозяйка ждала, пока он вынет ремень, и тем временем прижимала большим пальцем тёмную хлебную корку. У неё дорогой нож отняли ещё осенью, в счёт овса. Этим, коротким, приходилось пилить.

— У меня ночлега не будет, — сказал Онисим. — Только хлеб и место, где сапоги завязать.

— Сапоги здесь завязывай. Щётка под лавкой, если налипло.

Он достал ремень из-за пазухи. По всей длине ремня кожа протёрлась, выступили светлые жилки. На месте пряжки была деревянная палочка с двумя прорезями. Такой ремень можно было поддерживать ещё год, если снять гнилую подкладку и дать хозяину обзавестись пряжкой. Марена уже прикидывала, где возьмёт железо, когда заметила, что Онисим разворачивает ремень двумя руками, будто один неверный сгиб разломит его.

Серафима продела свою выдачную нитку в крайнюю петлю. Сказала, за чей счёт выдаёт, и спокойно выпустила конец.

Нитка упала на стол.

— Ещё раз, — предложила Марена.

Серафима обернулась. Марена сидела у окна с ремнём от детской упряжи. Пальцы ещё пахли кисловатым жиром. До обеда она собиралась поставить две заплаты и успеть к человеку, который продавал дом с голубым порогом. Продавец давал ей полчаса на расчёт. Хотел взять задаток до прихода жены.

— Я с утра четыре раза выдала, — сказала Серафима. — Признаёт всех.

— Дай ему самому подержать.

Онисим вынул ремень из-под локтя. Рука у него работала хорошо. Ногой в короткой шине он поддел ножку стула. Стул качнулся. Онисим отодвинулся от стола, словно хлеб уже попросили вернуть. Две недели назад Онисим подрядился на Плоском дворе менять спицы в детской телеге. Когда мальчик, для которого он её правил, принёс ему две медные лопатки, Онисим до вечера не открывал ладонь. Мальчик успел всем рассказать, что сам заплатил мастеру.

Выдачная нитка снова прошла через дорожную петлю. На этот раз Онисим держал ремень на раскрытых ладонях. Марена увидела, как ремень принял светлую прядь, подержал мгновение и вытолкнул наружу, сперва узелок, потом тонкий хвост. Обычно петля сжималась от выдачи, даже если двое к тому времени уже начинали спорить о цене. Здесь она раздвинулась.

— Хлеб оставь, — сказала Марена.

Хозяйка ещё не брала свёрток. Отвела нож.

— У меня по твоему счёту полмешка муки. Хочешь записать туда?

Онисим взял со стула шапку. Марена посмотрела на неё и сообразила, что он ещё успеет дойти засветло до следующего двора. Если у следующего стола повторится то же самое, в степи будет темно и никакой щётки под лавкой ему больше не предложат.

— Запиши, — сказала Марена.

Она отложила детскую упряжь, вынесла на свет шорный нож и попросила Онисима оставить ей ремень до вечера.

— Я уже оставлял, — ответил он. — Мне на Плоском сказали, что он цел. А вечером вышло, будто меня там знают только по долгу. Взяли кружку из руки, пока не расплескал.

Двор на Плоском вёл красный шов. У Серафимы шов был серый. Два разных двора могли отказать одному человеку по разным причинам. Марена повернула ремень под светом и увидела ещё одну метку, мелко вдавленную возле пряжки.

— А здесь кто?

— В Яровом дали завязать сапог. Сказали, за свой счёт больше дать нечего.

С улицы донёсся грохот пустой тележки. Серафима повернула голову. В такие минуты, когда ещё нужно было решить, каких лошадей пустить под крышу, одно лишнее слово могло прозвучать так, будто её хотят судить всем двором. Марена ждала, пока грохот утихнет. Потом, на виду у Онисима, потянула за нить у самой пряжки. Из-под кожи поднялась целая петля. Сжавшись у основания, она удержала даже вес ножа, который Марена осторожно повесила на конец. Петля побелела. Она держалась.

— Тебе ремень теперь зачем? — спросила Марена.

— В деревне за Угорьем две телеги стоят. Мне надо туда успеть до снега. Без ремня ночевать на дороге.

Онисим развернул свёрток, отломил уголок хлеба и снова затянул холст. Потом подвинул к Марене ремень. До вечера он останется в чужом дворе без ремня, по её просьбе.

Женщину, продававшую дом вместе с мужем, звали Яна. Она красила порог каждый год, сначала в синий, потом уже поверх — в выцветший голубой. По одной стороне порога ещё тянулись синие волоски. Марена видела их в прошлый четверг, когда приходила смотреть комнаты. Возле входа было место для длинного стола. Луша села там на корточки, поставила локти по ширине и велела Марене прикинуть, поместятся ли горшки, если выручить за старую раму четыре медяка.

Теперь за окном возница выпряг серую кобылу, переменил повод в руках и крикнул хозяйке, чтобы нашли складную ступеньку. Серафима взяла со стены ключ от нижнего сарая. Онисим сдвинул хлеб себе на колени. Он собирался уходить без ремня и уже выпрямил больную ногу, с неожиданной лёгкостью для человека, чей стул скрипел от каждого движения.

— Сиди пока. По дороге тебя всё равно спросят, что оставил в залог, — сказала Марена.

— У первого столба скажу, что душу тебе оставил. Пока дойдут со столба назад, у меня будет день.

— У первого столба стоит Луша. Закричит, чтобы отдал второй сапог.

Он коротко засмеялся. Марена убрала шорный нож. На петельке, которую она подняла для пробы, остался белый полукруг. Он исчезал от прикосновения тёплого пальца. Не было ни треска, ни катышка трухи. Так себя вёл вполне здоровый шов, если его тянуть изнутри, со стороны хозяина. Марена снова подложила ремень под свет. Первые две выдачные отметки можно было прочесть и без увеличительного стекла, у третьей оставался глубокий вдавленный хвост. В неё когда-то протянули что-то толще нити. По повороту тени Марена видела, что тянули с противоположной стороны. Ремень при этом лежал раскрытым. Если Онисим согласился отдать его на сверку, никто не обязан был потом рассказывать ему, как нитка туда попала.

— В Яровом ты кому давал ремень в руки?

— Таня его видела. И бывший из пограничных, кто у неё всё время под окном. Она сказала, у меня пряжка шатается. Попросила снять пальто, дать ей на стол. Я тогда ещё спросил, не надо ли чего за первую кружку.

— Дали?

— Кипятку дали. В ремень зачем полезли, я не понял. Отмахнулся. У меня тогда колесо горело.

Марена не успела повторить про колесо. С улицы к двери подошёл Савел Борин. Он нёс на плече узкую дощечку, на дощечке торчали две ручки, до блеска затёртые ладонями. Савел поставил её на пол и сапогом задвинул под Онисимову ногу.

— Так удобнее?

Онисим подвигал шиной вперед и назад.

— Если самому вставать, удобнее.

— Тогда сам. Мне у Серафимы надо, чтоб дала тёплой воды.

Пока Серафима возилась у печи, Савел достал из-под жилета письмо и стал разворачивать. Марена не сразу поняла, что он уже увидел оба конца Онисимова ремня. Савел прежде возил ей домой кожу без перевеса: привозил вдоль чужого груза два тугих свёртка и ровно столько чистого места, чтобы она могла заранее посмотреть края. Кожу все покупали у одного, но вознице не было дела до того, с какого слоя он получает плату. У Савела же каждый кусок до выгрузки заворачивали изнанкой наружу, чтобы зимой по обеим сторонам не ложился иней. Привычка стоила ему лишнего времени. Теперь он ею ничего не объяснял. Вынес письмо Онисиму и сказал:

— Доведём до Угорья вместе. У меня в хвосте есть полместа, рядом с жестью. Дай только ногу подвязать, а то на первой выбоине выбросит.

— Если меня у первого стола завтра не знают, у второго твой воз возьмут с лишней платой, — сказал Онисим.

— Знаю.

— Говорю, не старую. Новую. Всю меру овса до зимы у тебя запросят.

Марена ждала, что Савел спросит, где он это услышал. Тот нагнулся к столу, оставил письмо открытым и достал ремень своего обоза. На ремне стояли семь затяжек. Одной из них был занят небольшой узел, где коричневая прядь уходила вокруг белой. Савел проверил пальцем обе. Затем взял свободный короткий конец и положил на стол, прямо под руку Серафимы.

— Вечером запиши его к моему огню. Завтра поведу. Должен будешь за ужин, Онисим. Полколеса, у меня как раз нужно поправить.

— Сухая щепа отдельно?

— Отдельно. При Тоне цену посчитаем.

Он не стал затягивать узел сам. Подождал, пока Марена передаст Онисиму его ремень и тот положит на стол. Между раскрытыми концами Серафима опустила новую нитку. Петля на Серафимином ремне приняла нить. У Онисима она осталась лежать свободно, без напряжения, словно к его доле уже ничего не собирались прибавлять. Зато на ремне Савела стянулась одна затяжка. Серафима прежде всего посмотрела на письмо. По нему у обоза числилось семь полных мест и одно запасное до Угорья. Теперь Савел отдал запасное за помощь Онисиму. Плату за полместа он всё равно должен был спросить на выходе.

— У тебя два тележных обода тогда не встанут, — сказала Серафима.

— Отправлю с кем-нибудь утром. Попрошу довезти на их поруку.

Онисим пока разглядывал принесённую ножную ступеньку. Поставил на неё стопу, снял. Он хотел сам дойти до Угорья, постучать на пороге и объявить цену за обе телеги, прежде чем остальные снимут ему шину. Онисим всегда сам называл цену. Особенно когда кто-нибудь уже подставил ему стул. Савел тем временем свернул письмо. На внутреннем сгибе показалась простая квадратная метка. На Онисимовом ремне одна из меток была точно такой ширины. Она попросила Савела развернуть письмо, но он сперва потянул дверь, чтобы посмотреть, нет ли снаружи Луши.

Луша пришла сама. У неё были мокрые носки, свёрнутые у краёв голенищ, и маленький полотняный мешок. Она залезла на скамью, поставила ноги на один край и вынула из мешка деньги. Заметила Онисимов хлеб и на секунду придержала мешок за край.

— На задаток хватает, — сказала она тёте. — Я пришла за тобой. Яна зайдёт туда после третьего колокольчика.

Марена посмотрела на свет. У окна уже не видны были стеклянные царапины, которые солнце показывало до обеда. Половина времени ушла, пока она нажимала пальцем на здоровый шов. Теперь она могла завернуть вещь в кусок своего холста, отправить Онисима с Савелом, взять деньги и бежать к Яне. Если тронуться сразу, муж успеет расписаться за задаток. Дом, где Луша уже по-своему расставила горшки, станет их домом, если продавец и впрямь вправе взять задаток.

Она протянула руку к мешку. Луша доверчиво подняла его за тесёмку.

— Когда у Яны будет семь минут для меня, — сказала Марена, — спроси, сколько стоит, чтобы мы пришли вечером. Скажи, что задаток дашь ей в руки, если цена дома та же и ей самой нужно продать.

— Ты думаешь, она не продаст?

— Я до сих пор знаю только, что хочет её муж.

Луша поджала ноги. Мокрый носок к тому времени стал холоден и оттягивал голенище. Савел молча положил у ступеньки два куска холста от обмотки на письме. Луша села на край лавки, сняла мокрые носки и обернула ступни холстом. Ни разу не взглянула на Савела. Марена собрала крошки со стола, чтобы успеть дать Луше что-то горячее с собой. Девочка взяла одну крошку сухим пальцем, прижала к губе. Потом ушла с мешком одна.

Савел оставил письмо открытым.

— Скажи, что ищешь, — произнёс он.

Он отодвинулся вместе с лавкой. У Марены теперь хватило места при свете развернуть Онисимов ремень целиком. Квадрат на письме относился к запасному месту: у каждой степной ставки своя мелкая форма, чтобы не переводить точное число вручную. Оставалось понять, отчего на целых ремнях, которые носили с собой и люди без обоза, проступает зарезка для свободного места. Если бы здесь стояло клеймо одного Плоского двора, туда можно было бы прийти и спросить. Квадрат напротив полустёртой метки знал весь округ.

— Ты полместа потерял за полхлеба. Может, завтра ещё два потеряешь, — сказала она. — На месте Лушиного дома я не хочу зависеть от чужого письма. Но когда ты завтра отцепишь ремень и отдашь за ужин, мне надо самой увидеть, куда пойдёт запас.

Савел не сразу ответил. Он посмотрел сквозь окно туда, где Луша переходила грязь по двум серым уступам. У обоих уступов лежало по кучке сухого овса. Их высыпали для лошадей. Девочка шагала мимо кучек, берегла чистое.

— Подумай до вечера, — сказал он. — Возьму в обоз с одним условием. Когда он захочет выйти, спросишь у него самого, куда.

Онисим покрутил оставшийся хлеб, взвесил. На стене возле обрывка пояса висела просьба двора отдать в общую еду две горсти ячменя. Он прочёл её с тем вниманием, с каким прежде смотрел, как Марена кладёт нож на ремень.

— Я хочу утром за Угорье, — сказал он. — И чтоб сегодня до ужина ремень ещё побывал у меня.

— Будет, — ответила Марена.

Пока Серафима доставала с печи котелок, Марена вернулась к упряжи. Старый шов пришлось разнять: если просто пришить сверху новую заплату, завтра ребёнок потянет за ремень поперёк, и оба слоя разойдутся. Она вынула из края самый тугой стежок и, пока он не распустился дальше, поймала первый свободный конец.

Глава 2. Голубой порог

К ужину Марена вернула ремень. Онисим застегнул его поверх рубахи и прежде всего проверил, на месте ли деревянная палочка. Потом встал, вытащил из-под ноги складную ступеньку и пошёл с ней во двор. В оконце между кухней и стойлом было видно, как он подсунул её под заднюю ось Савелова воза. Ковырнул колпачок оси ножом, выслушал что-то от подошедшего работника и сел прямо на утоптанный овёс. Ногу в шине вытянул вдоль воза. Под лавкой остался хлеб, завёрнутый так тщательно, что Серафима сперва приняла его за чей-то свёрток с бельём.

Луша пришла за Мареной к сумеркам. Мешок с деньгами мотался у неё на руке. На завязке повисла белая собачья шерсть.

— Яна за дверью, — сказала она. — Я спрашивала, одна ли. Сказала, до темноты одна.

— Зачем спрашивала?

— Ты же к ней идёшь.

Луша произнесла это с такой уверенностью, что Марена по дороге к дому стала вспоминать, когда в последний раз сама назначала такую встречу. О цене она договаривалась с Яниным мужем на том же дворе, где он сдавал в аренду место для корыта. Яна дважды выходила с подойником и ни разу не осталась с ними. Марене тогда было удобно решить, что семейные деньги обсуждают между собой, а от неё требуется только принести задаток. До этой минуты от имени Яны говорил человек, который продал бы за нужную цену и сам подойник.

Голубой порог лежал высоко над тропой. У входа виднелись два круглых отверстия, прежде там ставили будничную скамью. Сейчас скамья стояла в глубине дома ногами кверху. Под ней блестел вымытый пол. Яна дала им войти, притворила дверь и налила им воды. В одной остался узкий бурый подтёк. Луша принялась водить по нему ногтем, пока Яна снимала с подоконника придавленный чугуном лист.

— Сумму я знаю, — сказала она Марене. — У меня к тебе другой разговор. Дальний угол хочу себе оставить до весны. Большую комнату берите сразу, кухней будем пользоваться по очереди. Ставни у дальнего угла мои, ставить туда станок раньше весны не дам.

Марена посмотрела в ту сторону. Как раз у дальнего окна можно было развесить шкуры так, чтобы на них не осталось заломов от крюков. На светлом полу, где стоял прежде шкаф, сохранились четыре тёмных пятачка. Между ними помещались две шкатулки и низкий лежак. Она так чётко представляла своё рабочее место, что заявление Яны сперва показалось ей запоздалым.

— Муж ваш сказал, что уезжаете вместе.

— Он в ноябре поедет. Мне сестру раньше марта к себе не увезти. Её хозяйство здесь, одна корова до первого отёла. Сюда ходить мне ближе. Если мужу сказать, он за угол денег с меня возьмёт, якобы тебе переплатил. Я могу предложить только вещь, которая у меня ещё есть.

— Какую?

Яна показала на железное кольцо у дальней двери. Через это кольцо выводили из дома большой дорожный ремень. Оно держало петлю резерва, для которого Марена до сих пор каждый сезон записывалась у Серафимы. С таким кольцом можно было самой предложить путнику место у своей печи. Не одно, если есть запас муки, сухие дрова и охота выслушать, кому они нужны. В дальнем углу за перегородкой ещё оставалось место для кладовой. Янин муж в цену включил раму, доски на чердаке и горшечную полку. Кольцо ни разу не назвал.

— Оно держит? — спросила Марена.

Яна подняла с ковра домашний ремень и сама надела конец на старый крюк. Петля зацепилась не сразу. Яна подала остаток вчерашней лепёшки Луше. Когда девочка поблагодарила

и взяла, волокно в кольце натянутой струной отошло от двери. Она осторожно дотронулась до него тыльной стороной пальца. Дверь отозвалась чуть слышно, как от человека, который проверяет, хорошо ли сидит засов. Кольцо принимало выдачу. Марена столько раз снимала с таких вещей заусенцы, что могла разобрать, где ход идёт через старое железо и где есть риск перетянуть кожу. На Янином кольце след лежал по центру. Кто-то берёг его при каждой работе.

Кружку, которую до сих пор держала Луша, Марена подтолкнула к свету. Подтёк на ней оказался не от чая. Глазурь треснула. В щель у ободка набилась заварка.

— А весной уходите куда? — спросила она.

— Вдовья постройка за мельницей. У сестры задний двор, там стену поведём. До весны моя очередь ждать. Там ты меня без дороги не оставишь?

— Я сегодня кольцо первый раз вижу. Про дорогу сейчас ничего обещать не могу.

Яна посидела, прикрыв ладонью край листа. Потом перевернула и подвинула его Марене. С другой стороны был список. За стекло заплачено, за древесину две меры пшена должен Янин муж, крюк она купила с выручки за тканое. Согласие на продажу дома отмечалось особой строчкой. Яна ещё не расписалась. У мужа оставалась возможность переиначить цену, если узнать про кольцо и дальнюю комнату. Потому лист и лежал под чугунком, расходом вниз. Яна целый день ждала, чтобы муж прочёл только ту сторону, которую они обсуждали вместе.

— Завтра меня до вечера не будет, — сказала Марена. — Лушу одну сюда приводить для сделки не надо. А задаток сейчас дам, если запишешь, когда решаем и что с ним будет, если одна из нас откажется.

Ей хотелось в этот миг подставить Лушину ладонь и вместе отсчитать деньги. Вместо этого она попросила её взять у двери кусочек бечевы. Луша поднялась быстро, вернулась и положила на стол сразу два куска. Одним, когда записали долю, обвязала мешочек с отложенными монетами. Второй оставила для листа, чтобы свернуть его, когда Яна подпишет.

— А если ты по зиме не вернёшься? — спросила она у Марены.

С той стороны дома, где не выставили скамью, кто-то ударил кулаком по доске. Оказалось, восстанавливают пустую ступень. Колотили не сильно, прилаживали по месту. Марена поглядела на кружку и наконец поняла, что Луша спрашивает не о бумаге. В дом с кольцом можно было везти кожу, и сама Луша уже выбрала, каким будет стол. Но в старом доме Серафимы привыкли к скрипу Марениных шагов по ночам. Если Марена уедет завтра, ей придётся просыпаться между стуками, пока не услышит шаги на лестнице.

— До Угорья один переход, — сказала Марена. — Спросишь вечером у Серафимы, через кого оттуда отправляют лошадей обратно. Если не будет известий, запиши имя первого, кого посылают. Нам нужен человек, который действительно умеет искать.

— Ты сама обязательно за Угорье?

— Только если там что-то увижу. Можешь завтра утром спросить Онисима, как ему удобнее послать слово. У него там две работы, он давно уговорился.

Луша закусила нижнюю губу. Она дотянулась до кружки и перевернула её сухим донышком вверх.

У Яны в итоге оставили половину задатка до третьего вечера. Если она не добьётся согласия мужа, деньги возвращает целиком. Если Марена после двух подписей не берёт дом на этих условиях, из задатка Яна оставляет шесть медяков за ожидание. Вместо обещанного дальнего угла Марена до весны получала место под высоким окном в кухне. Они пошли туда измерить ширину. Стену от угла до плиты пересекала узкая трещина, и Луша прямо спросила, за что уже тут платят вперёд. Яна дала ей длинную щепку проверить глубину. Щепка не прошла и на ноготь. Луша сняла с щепки облупившуюся краску и пододвинула к стене широкую лавку. С лавкой оказалось хорошо: за столом для шитья можно будет ставить свет поверх головы.

На прощание Марена ступила на голубой порог одновременно с Лушей. Яна стояла с лампой, чтобы их было видно. По дороге назад Луша всё же достала лист и переписала в свою

тетрадку всё, что обещала каждая. В той тетрадке она прежде считала, сколько денег понадобится для горшков. Про ночлег теперь написала отдельным столбцом, пометив дверь, хозяйку, запас и день. Марена узнала в этом списке её прежний способ игры, когда у одной куклы тяжёлая болезнь и лечить её можно лишь после того, как у второй появится настоящая кровать.

На дворе Серафимы уже всем раздали горячее. Савел положил доску у последней телеги, Онисим вытирал пальцы о короткую тряпку. Завтра к обозу должны были привести двух заказчиков за мукой. На первой телеге сменили ось. Закончили засветло: Онисим ещё успел прокрутить колесо и проверить, не бьёт ли обод. Онисим показал Луше, как держать перо над листом и не размазывать записи мокрым рукавом. За работу ему дали целую порцию, а Серафима, сняла с Марены плату за ужин: его Онисим отработал у Савела. За хлеб, взятый днём, по-прежнему отвечала Марена.

— У меня место под тентом остаться должно, — сказала Марена Савелу. — Сумка лёгкая. Плата до Угорья?

Он назвал число, такое же, как за узел одного человека, только давал ей место сверху, не у ног.

— А если вернусь утром с первого двора?

— Половина. Деньги держи у себя, запишем у Таниного стола.

— Запиши сейчас, — сказала Луша.

Савел оглядел её тетрадку. Он сперва попросил найти отдельный лист, поменьше, иначе они снова перепишут всё под чужим окриком. Луша настояла, чтобы он оставил цифру там, где была отмечена Яна. Савел положил тетрадь на доску и собственноручно написал, что довезёт Марену с сумкой до Угорья. Отодвинул, услышал просьбу и дописал, что по её желанию оставит на первом дворе. Луша подула на две строчки. Пока чернила подсыхали, Марена видела, как Савел держит для неё доску, прижав большим пальцем самый нижний край.

Глава 3. Запасное место

Перед тем как выпустить обоз, Серафима прошлась вдоль телег и сунула за каждый борт по горсти сена. Марена подумала, что это на счастье. У последней телеги Серафима оттянула сено назад. Под ним она спрятала свёрнутый рукав от старой шубы, в рукав засунула кружку и пузырёк с уксусом. Марена узнала кружку Онисима. Вчера он, должно быть, поставил её не туда. Из всех, кто остался на Низкой дороге, только Серафима знала, чью кружку с кипятком надо обернуть тряпкой.

Луша вышла проводить их в рабочих башмаках. Два поручения на день она уже получила. Пока Серафима будет смотреть за лошадьми, Луше предстояло принять с поля мешки и в тетрадь вписать, кто какой привёз. Марена предложила ей целых два дня работать только до обеда. Луша от души рассмеялась.

— А после обеда я чей мешок приму? Тот, который сам назовётся?

Она сказала, что останется у ворот до последнего мешка. Потом сходит к Яне проверить, можно ли поднять кухонное окно без ножа. Обещала подождать до вечера следующего дня, прежде чем пошлёт кого-нибудь искать Марену. С этой последней частью Марена вслух согласилась. Про себя подумала, что вечером, вернувшись, отмоет кухонное окно сама. До Плоского двора и обратно они в прошлом году успели съездить за день. Сейчас ей оттуда надо было ещё за Угорье, а с голубого порога третий вечер уже не уберёшь: они сами дали Яне назначить срок.

Марена села на воз позади Савела. Под тентом пахло пшеничной сечкой и чьими-то сухими сапогами. Спереди возница называл по именам людей, которых встречали на дворе, пока не дошли до выхода. У самого столба он сказал негромко:

— Луша, чего не записала?

Луша шла за колесом ещё три шага. Потрогала вытертый им борт, задумалась.

— Во сколько выехали.

— Перед вторым звоном.

Савел не поворачивался. Он, наверное, знал, что она может записать и сама, и как сильно хотелось ей услышать это от человека, которого за колесом уже не достанешь. Марена просунула палец в петлю узкой тетрадной завязки, торчащей из Лушиного рукава, и высвободила её. Потом телега сместилась, и Луша осталась у столба, прижимая тетрадку к груди.

Первый перегон шёл в низкой траве. Над травой жёлтым блеском отдавало небо. На повороте Савел попросил Марену переложить сумку ближе к передку, потом велел из тента вылезать: под колесом вымокала кромка. Она сошла и там же подхватила руку Онисима, который из высокой передней телеги сначала спускал больную ногу в шине. Онисим сразу высвободился и показал, куда поставить ступеньку, чтобы следующий смог сойти сам. Из двух передних телег вышло трое. Савел проехал, сдерживая кобылу, и первый след от колеса отпечатался в грязи шире ладони. По нему пропустили остальные, пока вода не потекла между бороздами.

Железо с утра гремело в последнем возу. Там стояла узкая бадья, которую возили к кузнецу. У бадьи по днищу от удара вмялось дерево. Марена позже увидела, что поблизости так и лежат оба обода, хотя Савел ещё вчера обещал отправить их впереди. Внутрь большого обода вложили малый, обложили сухой хвоей. На задней подножке стоял паренёк, держался за борт. Одно голенище почти побелело от высохшей глины. Марена сперва не поняла, что обода его. Паренёк взялся за рог телеги. Из-за лесного края показалась сухая канава, и в ней ветер поднял все буковые листья, до которых успел добраться. Тогда паренёк спрыгнул с дощечки и спросил, далеко ли ещё до Ярового.

Его звали Ефим. Накануне у Серафимы он ночевал между двумя задними колёсами, укрывшись кожухом. Теперь оказалось, что он всю дорогу почти не сидел. Малый обод должны были посадить на его телегу, которую он собирался отдать садовнику, большой отвезти куз-

нецу в плату, за то, чтобы кузнец проварил стык малого. Ефим называл кузнеца по отчеству, а кузнецову печь — по имени, как тёплого старого человека. За перевозку Савелу уже отдали три медяка. Ефим должен был прийти с ободом до вторника, пока в печи новый хозяин не займёт всё железо воротной петлёй. До вторника оставалось полтора дня.

— Кто будет дальше везти? — спросил он.

Савел глянул в тент. Марена давно ждала этого разговора. На полном ходу Савел сказал, что спрашивал у двух возниц до рассвета. Один вёз седока верхом, другой пойдёт позже, в грязи лишний вес не потянет. До Ярового довезут попутно, там обод можно оставить у Тани под расписку, пока не найдётся попутный воз. Ефим переспросил, найдётся ли сегодня.

— Может, больше сегодня никто не пойдёт, — наконец ответил Савел.

— Я один туда не дойду, — сказал Ефим.

— Ты можешь дойти.

— Могу. Тогда сам обод не донесу. Если вы будете искать другого возчика, кому я отдам остальные деньги за работу?

Марена опиралась рукой на борт. Обода лежали в двух шагах, на дне телеги. Сама взялась бы за малый, но донести до Угорья, сохраняя пальцы для работы, не обещала бы. У Ефима и без того всё зависело от срока: малый обод нужен садовнику, большой ушёл бы кузнецу в плату, а во вторник печь займут под воротную петлю. Ефим предложил отдать другому возчику большой обод на один переход, если тот сам к вечеру довезёт малый. Савел помолчал, прежде чем спросить, что тогда паренёк отдаст кузнецу за работу. Ефим опустил глаза. Никто ещё не велел ему заново считать цену с начала.

У Ярового Таня отворила им обе створки. В квадрате сухого двора впереди было два козла, на каждом отёсанное угловое дерево. Телеги пропустили через одну створку, другая осталась для людей. Тане было около сорока. Пока Савел отвязывал повод, она сняла с ящика мокрый лист и отнесла в дальний угол, где по стене проходили путевые швы. У её стола мальчик пил простоквашу. Он положил ложку на бок и, зачерпнув ею с краю, накапал себе на сапог. Таня подала ему тряпку, не прерывая разговора с Савелом.

— Семь полных, одно запасное, — сказал Савел. — На свободном сейчас Трапезников. У него помощь с моего ремня до Угорья. Вот Тонина отметка.

Таня отвела мокрый лист на гвоздь. Сверила последние две отметки. Прижала сухой рукой ремень Савела, привела короткую светлую нитку, вслух повторила, что видит. После каждой отметки она ненадолго отпускала конец. На седьмой его подхватило само собой, на восьмой нить вытянулась из общего шва. На глазах у Марены с тыльной стороны ремня образовался квадрат, похожий на тот, что она вчера видела возле Онисимовой пряжки. Таня вытянула из шкафчика дощечку. На ней возле большого гвоздя лежала мера, которую уже можно было снять, если у обоза не занято свободное. Таня отодвинула меру целиком, доску убрала под край.

— Где это будет записано? — спросила Марена.

— У меня остаток. С меня сегодня снимут меру и я эту меру у себя покажу. Савелу за следующую перевозку причитается только семь.

Савел стоял с опущенной рукой. Даже наплечный ремень с себя не снимал. Для него эту меру как будто давно отдали в долг и сейчас один раз повторили по лицу. Он спросил, возьмёт ли Таня Ефимову пару до вечера. Таня принесла мел, зачертила угол в крытом остое. Можно отдать потом по имени, можно оставить под навесом. Лишней лошади до вечера у неё не было. А если пойдёт снег, то до Угорья сегодня вообще никого не пустят. У двух кузнечных окон два рабочих человека посмотрели за стену издали. Когда Савел пошёл выгружать, Марена взяла с одного козла выданную нить. Оставшийся на ней квадрат был гладким сверху и чуть подрезан у нижней кромки.

— На Онисимовом такой же видела, только на изнанке, — сказала она.

— Дай его спросить, — ответила Таня.

Онисима сперва не нашли. Он успел обойти кормовой сарай и пошёл к крыльцу с тыльного входа. За ним парень из бывших пограничных, кого Онисим перед тем назвал человеком под окном, позвал троих помочь с лошадью. У кормушки отскочило железо. От непонятного звука молодая лошадь выгнула спину, ушла плечом в дверь и заперла её в своём же стойле. Из щели время от времени показывался конец повода. Онисим взялся за один из болтов и приподнял колено. Парень поддержал дверь коротким клином, дошёл до лошади сбоку и сунул руку к ремню.

Марена снаружи видела только, как сузилась щель. Она спросила, откуда лучше подать ключ. Парень в щели назвал полку налево и зачем-то ответил: «Я Фёдор». Теперь имя он мог сказать только между словами к лошади. Марена нашла на полке длинный ключ, положила на ступеньку, сбегала за водой. Савел остановился по ту сторону крытого прохода, держал дверцу за край, пока Фёдор снова перекидывал узду. В конце лошадь сама уткнулась носом в подставленное Онисимом ведро. Никто уже не стоял около болта, который собирались вынуть; стойло открылось целиком, как только перестали тянуть створку снаружи.

Савел подошёл ближе к Онисиму.

— В обоз обратно или здесь?

Онисим сделал два шага по сухим доскам. У шины соскочила застёжка. Он растянул нижний ремешок и показал маленькое отверстие. С новым отверстием ему бы хватило до Угорья на одной шине. Кожа вокруг старой дырки побелела от натяжения, её уже не стоило стягивать. Марена вынула запасную полоску из сумки. Он сам пробил в ней новую дырку, поставил свежий ремешок поверх тряпки и только после этого сказал, что выходит сам. Тут можно будет заработать на пешую часть дороги, если человек у окна отдаст пополам работу. Фёдор кивнул, показал ему место у двери.

— А у кузнеца потом меня найдёшь? — спросил Ефим из-за малого обода.

Онисим приложил руку к железу и подвинул его на то место, где солнце касалось пола. Ефим сперва будто решил, что мастер хочет поднять. Но Онисим нагнулся к трещине и вытер одно место. Против другого было две зарубки с первого ремонта. Такие обода ставил у них на Кривой телеге один мастер. Наращивать стык не следовало: хватало нагреть до края и стянуть заново, пока концы мягкие. В Яровом кузницы пока не заводили. Зато у Фёдора оставалось разрешение на старую выездную жаровню. Ефим попросил бумагу, чтобы отказаться от сделки с кузнецом и перевести ему три медяка за ожидание. Савел ответил, что гонца оплатит из своей кассы: Ефим договорился в срок, сорвалось здесь. Онисим захотел узнать, сколько железных колец у Фёдора в запасе. Дело, от которого отказался обоз, уже на этом дворе стало новым заказом.

Марена не ушла вслед за Савелом. Она попросила Онисима всего на минуту ещё раз раскрыть свой ремень. Без стола ладони пришлось держать почти на весу. Он согласился, когда Савел позвал Ефима унести тяжёлые обода под крышу и они остались рядом почти одни. Марена приложила выдачную нить с края к квадрату возле пряжки. Совпало три угла. Четвёртый на её глазах ушёл под кожу, куда и на свету не мог добраться конец нити. Она перевернула ремень. На чистой изнанке волокна мирно сходились жёсткой волной, прямо над полузакрытым углом. Кто бы ни поставил этот квадрат, отметил ход ещё до того, как вывернул ремень. На человеке, которого кормят у стола, такой след получить нельзя: половина петли прижата к телу.

— Таня, вы ему пряжку с Фёдором поправляли? — спросила она.

Таня подошла со своей тряпкой, у неё на запястье висела мука. Пряжка тогда была металлическая, большой язычок сползал в овальное отверстие. Фёдор снял пряжку и взял деревянную палочку из вымытого ящика. Сам ремень держали поперёк кухонного окна. Сколько нитей пришлось продеть через новую палочку, Таня не помнила. Она помнила, что помогала Онисиму застегнуть, когда он обе руки занял чашкой. Пока Марена показывала ей нижнюю

засечку, Онисим посмотрел как-то поверх их рук. Он сказал, что старая пряжка треснула с внутренней стороны, как тогда видно было ясно. Без ремня он на дорогу выйти не мог, а новый, который Таня предложила, не принял бы ни одного его старого поручителя. Незаметно зажим под кожей ему так никто и не показал. Сказать, откуда квадрат, Таня тоже не смогла.

Савел спросил с крыльца, едет ли Марена дальше. В руках у него остался один обод, большой. Ефим ждал, чтобы тот передал с места на место, в своё время, и Савел подвинул железо дальше, туда, где Ефим поставил первый клин. Марена рассмотрела, как сильно Савел прижал к ободу рукав, чтобы на холодном месте он не раскачался. Ему хотелось дослушать их разговор. Он всё же дождался, пока Онисим спрячет ремень за пазуху, и только потом ушёл к телегам.

Марена решила остаться в Яровом. Если осмотреть старую пряжку сейчас, можно будет вернуться к Яне в срок: утром с попутным возом, а если не найдётся, пешком. Савел выслушал это, напомнил, сколько стоит половина проезда, и принял её деньги.

— Место обратно у тебя найдётся? — спросила она после.

— Уберу бадью. Оба обода я выгрузил, бадью поставлю к передку.

— К вечеру?

— К завтрашнему. У первого колокольчика буду. Если не буду, не жди, найдёмся у Серафимы.

Он распустил короткий запас на ремне, где ещё не успела исчезнуть вмятина от общего шва. Место, за которое только что заплатил мерой овса, теперь опять было свободно. Таня попросила назвать, чьё поручительство снимает. Когда он назвал Онисима, она записала, на чём кончается путь. Потом принялась считать остаток. Из её молчания Марена поняла, что изменившийся счёт ещё не дал назад овса. Савел заметил это тоже. Его рука какое-то время оставалась на столе, там, куда Таня могла бы подвинуть обратно меру. Затем он убрал её, попросил Фёдора показать короткий выход с двора и пошёл к лошадям.

Таня опустила новую нить в маленькую деревянную ячейку. Над ячейкой для чужих ремней висел вчерашний листок. Марена приподняла его. Вчера Таня записала туда трёх человек, которых на полный счёт у себя не взяла. Третьего вымарала по просьбе другого двора, чтобы из чужих запасов проезд ему открыли утром. Марена спросила, как записывают, что чужой двор просьбу потом выполнил. Таня вынула из той же ячейки другой лист. На нём оставались только два столбца. В первом стояли дворы, которые просили, во втором — потраченная мера. Имен в таком счёте уже не было.

Глава 4. Чей двор попросил

У Тани была целая комната ключей. На длинном полотне висели по два ключа от каждой кладовой, а на самой двери белело место для третьего. Белую нашивку можно было снять пальцем. По просьбе Марены Таня перетряхнула ящик со снятыми пряжками. В нём было ещё три сломанных язычка, свёрнутый кончик старой узды и два железных обруча от крышек. Пряжки Онисима не нашлось. Таня помнила, что Фёдор вернул её в ладонь владельцу, лишь успели вынуть старые заклёпки. На другой день Онисим отдал её в плату за деревянную палочку. Пряжка ушла в ведёрко с обломками железа, которое уже месяц расходовали под затворы.

— Половина кладовой из чужих пряжек, — сказала Таня. — Когда они мне пригодятся, уже не спросят, на ком висели.

Марена приподняла узду. Под её подкладкой сохранилась жёлтая намётка. Так помечали временный запас в тех местах, где ремень нельзя снять при людях. Кто-нибудь однажды заплатил за складку, пользовался ею, привык. Не было нужды выкидывать то, что больше не годилось целиком. Но у Тани в ящике это было просто старое железо. Кто и зачем вшил жёлтую нить, здесь уже не узнаешь. Марена положила узду на место и попросила посмотреть вчерашний запрос в Яровое. Таня ответила, что выписку об уже сделанном расходе она покажет, а самих запросов давно не остаётся: вяжут из отдельного куска, пропускают через приёмную петлю, после выдачи смешивают в одном горшке. Если вчера без вызова записали на Ильин двор одну меру, через неделю за этой мерой и приедут.

— А кто позвал? — спросила Марена.

— Ильин двор. Там задают вопрос, у себя ответа не находят.

— Кто с него? Хозяйка, ночной сторож, человек у кладовой?

Таня взяла мешок, повернулась и велела Марене его подержать. Пока они пересыпали крупу, она объяснила порядок. Приглашение от двора касается только места. Чужой дежурный не берёт долг на себя. Если у них вчера попросили пустить Лукьяна с сыном, имена Лукьяна и сына она могла вписать в книгу приезжих. Имя того, кто попросил, выходит вместе со сменой. Останется название двора, чтобы с него не списали меру второй раз.

— Ты бы помнила его лицо, если б он сюда пришёл?

— Шорница ты хорошая, а я сну тебя не научу, — сказала Таня. — Здесь в четверть часа всегда два человека спрашивают одну вещь. Пока третьему ответишь, первые уже расходятся. Вчера посыльного видела моя Ляха.

С полки вытащили два деревянных жетона. На одном сбоку имелся поперечный надрез, на другом такой же был сделан на длинном краю. Ляхе жетоны приказали вложить в глиняную чашку до ухода телеги. Она не вложила: игрушечную дощечку, из которой вытесывала птицу, тем временем унесли в печь. Ляха пришла с поцарапанным запястьем, ещё откашливалась после сажи. Таня отослала её вымыть ладони. Марена села у вытянутой скамьи и дождалась. Когда Ляха вернулась, Таня перестала крутить вокруг пальца шнур.

— Того с Ильина видела? — спросила Марена.

— Со двора их двое было. Поздний спрашивал, кому потом оставить коробку.

— Что сделал первый?

— Поставил коробку. Ему ключ нужен. Фёдор вышел и открыл.

В ящик положили две бумажные пачки, одну спустили на гвозде в дверях, другую сразу вытянули обратно той же бечевой. Ляха видела в оконце, как вокруг бечевы оставили два коротких волокна. Когда ей велели всё выбросить, она посмотрела, не осталось ли на дне краски для игрушки. Нашёлся третий жетон. С ним она и спустилась к стойлу. Теперь ей захотелось показать, где его положила, но Таня послала за жетоном работника. Ляха при этом без-

звучно вздохнула. Пока взрослые искали дощечку, она села на край скамьи и прижала палец к чёрной полоске у ногтя.

Марена попросила показать ей всю седьмую связку кладовой. Если ключ оставили на месте, его можно проверить даже после чужого расхода. Таня не решилась открывать дальний отсек без Фёдора. В проходе у двери появилось двое, готовые помочь, а Фёдора всё не было. Его нашли с Онисимом и Ефимом за навесом. Фёдор вытянул из земли круглый брус, говорил, что жаровню надо остудить на свежем кирпиче, пока снизу не распустится проволока. Таня позвала его, дождалась, пока ему подадут деревянную скамейку, и отметила в книге двух работников, которых оставляла при жаровне. Только после этого ей удалось с ключом подойти обратно.

— Спрашивал Ильин? — сказал Фёдор. — Вчера никакого Ильина не видел. Мне сказали, гонец от центрального стола, в коробке две ссыпки. Одну замени пока выпустят мелких. У нас малых в счёте восемь было. Нынче вот шесть.

— Так он показывал знак?

— Без знака я бы ему и не открыл.

Фёдор вынул из-под ведра чёрную лепёшку, оставшуюся от низкой печи. Углом лепёшки подпер заклинившую половину дверцы и вынул мерную связку. Внутри висело восемь колец под восемь малых выдач. Рядом хранились запасные, без отметок. Сквозь те, что не замыкались, можно было просунуть почти целый кулак. Фёдор прошёлся своим пальцем. В двух, которые вчера сняли, остатки стянулись. Другие пока лежали свободно. Одно он попытался растянуть, поначалу легко, потом крепче. Марена положила под кольцо палочку и давить дальше не дала. Если на этом месте оставить натянутый след, следующий человек без ошибки прочитает его как движение очередного стола. Своих меток хватило и так.

У двух использованных колец оказались узенькие квадратные затяжки, по одному на каждое. В книге кладовой рядом с ними стоял прямой отвод на Ильин. Во вчерашнем листе находились лишь две цифры. Одна имела поправку: снизу к ней подвели острым, пока ручка уже догоняла верхнюю строку. Двое маленьких за один вечер так и не появились у Таниного стола. Но снять их временное место обещали до следующей недели, а в Яровом эти места уже нельзя было предложить на сегодня.

— Ничего себе взаимность, — сказала Марена.

Фёдор посмотрел в окно. На жаровне под открытым небом Ефим готовил себе место из четырёх чурок. Рука у него, как утром, лежала на большом ободе. Фёдор вытер свои пальцы и объяснил, что запас послали на другой двор навстречу их выдаче. Яровое могло снова просить, сколько снимут. Пока им не дали открыть два места, нечего и выставлять детей за ворота.

— Кому два места обещали? — спросила Марена.

Таня сняла свою дощечку с мерой. Сзади шёл угольный список, под ним были две зарубки. Мать с мальчиком из ковровой слободки должна была прийти к Яровому в четверг, пока не встанет вода у жёлтого колодца. Отца мальчика в дорожной книге давно не было. Эта семья собиралась перебраться к пастухам и на Яровом ждала знакомых лошадей. Марена запомнила имя с первой зарубки — Параскева Ходок. На оба места Таня брала вперёд зерно и шерсть. В четверг она сама встретит мать с мальчиком, а на обещанную лежанку у соседей провести их уже не сможет.

— Про кого говорили «выпустят мелких»? — спросила она у Фёдора.

— Сколько лошадей, теперь спрашивают. Мелкие, что возят свои припасы. Человек с коробкой сказал, мол, часть снимут у тех, кто ещё не пришёл. Обратно по списку. Я пока у нас только это видел.

Таня посмотрела в открытую кладовую и быстро сама её закрыла. Марена успела запомнить, где на двух сжатых кольцах лежит квадрат. В руки она их так и не взяла. Фёдор произнёс, что теперь на место Параскевы и мальчика нельзя вписать других. Иначе у того, кто с таким же именем захочет вернуться, шов попробует отсчитать старую выдачу заново. Таня от этого

заметно помрачнела. Накануне она успела заплатить за чистое одеяло для мальчика. За полдня ей придётся понять, чем и где его укрыть.

За обедом вынесли гречу в широкой миске. Ляха отложила дощечку с недорезанной птицей и подставила ладонь под кусок хлеба. Мужчина из-за стола выложил перед Таней маленький комок шерсти. Сказал, что готов освободить место для матери с ребёнком. Только пусть скажут, где завтра рубить дрова. Таня ответила без паузы, за лежанку тебя завтра к поленнице не пригонят. Потом увидела, что ему всё равно нужен договор: отобьётся от других работ, встанет на общий счёт. Записала, когда договаривались, и взяла шерсть сама. Марена рядом записала на листе Параскевино имя. Для Параскевы и мальчика нашлось два места у человека, который сам их предложил. Марена записала, кто даст о них знать в четверг.

После обеда Марена вышла к дороге. Там стоял короткий столб, на нём соединяли два счёта. Дорогу на Ильин размыло осенними дождями. Если тот, кто приносил коробку, вышел с Угорья, он вообще мог не знать, откуда пришла первая просьба. В таком случае Ильин давал одно имя для всего разъездного счёта. Марена явно видела форму расчёта, но не знала, чей это настоящий расход. Она решила сперва подождать Савела и отослать Луше записку с Таниной тележкой. Тележку отправляли на Низкую после полудня, и она могла ещё застать Лушу у ворот. Когда Марена спросила про обратные вожжи, ей наконец показали тот жетон, который вытащила Ляха. Поперёк него на дереве прочитали тонкое выжженное слово: «пробный». Доска была из двух склеенных половин. При ярком солнце между ними можно было просунуть волос. С другой стороны из круглого значка уже выскоблили середину, но квадрат по краям остался совершенно цел.

Марена села записывать, что нашла. Ляха принесла полоску жести. На ней можно было процарапать знак и сверять его с другими. Сначала они молчали. Потом Ляха посмотрела на дверь, где Таня вешала ключ, и спросила, дадут ли ей письмо донести самой. Марена сказала, что скажет Тане, кто нашёл дощечку и почему этим занялись. На Низкую далеко идти в одиночку, придётся либо ждать первой телеги, либо бросать дело и выходить вдвоём. Ляха согласилась до ворот. В ссадины набилась сажа. Марена налила в мисочку воды и подвинула ближе. Ляха протянула руку, но сперва взглянула на Марену. Пока не спросила: «Письмо это тебе самой зачем?», за воду так и не взялась.

— Дома меня ждут, — сказала Марена. — Хочу, чтобы знали, где ждать.

Ляха взяла миску. Позади неё в остое Ефим держал малый обод, который удалось снять с дерева. Один бок теперь сужался. До Угорья Ефиму теперь незачем спешить, если жаровня выдержит и стык сойдётся. И всё-таки Ефим соскрёб последние крошки соломы с большого обода и пошёл поперёк двора туда, где его уже ждал кузнец из бывших пограничных. Свою работу он перенёс к чужому огню и успел до темноты.

Глава 5. До первого колокольчика

Тележка вернулась с Низкой без седока. Водившая её женщина спрыгнула с передка, посмотрела на Марену и засунула руку в рукав. Оттуда она достала счёт за две меры крупы. На обороте Луша написала: «Поняла, где ты. Окно у Яны не трогала. У Яны муж дома, до послезавтра ждут». Ниже остался жирный след. Марена поднесла счёт к лампе и разглядела пятнышко жёлтой мази, которой Луша смазывала трещины на пальцах. Значит, девочка успела отыскать баночку, отдавала письмо уже из тёплого места. Этого в записке ей как будто не требовалось писать.

Таня вынесла из остоя лёгкие чурки. Куча лежала под голым небом; часть двора к вечеру отсырела. Марена спросила, сколько стоит пол на ночь. Таня предложила лавку над кладовой, где до рассвета самый слабый свет. У лавки треснула ножка. Если закрепить её, летом лавка ещё пригодится у сырного стола. Сошлись на двух медяках: один за починку ножки, второй деньгами. Его Марена отдала сразу. Таня положила его на самый край полки, отдельно от тех мер, которые считала до неё.

Над кладовой было тепло от кухни. Марена покачала ножку, нашла в трещине два влажных гвоздя и вытащила их. Там, где они сидели раньше, отверстия разрослись до узких овалов. Два новых гвоздя раздуют древесину. Она выбрала плотный кусок кожи из обрезков, сложила вдвое и прижала к углам. Стянула треснувшее место сыромятным ремешком и для упора вернула перекладину. Лавка дрогнула под её рукой и встала ровно. Марена села, попробовала разом перенести на неё обе ноги. Ничего не качалось. Остаток кожи она оставила на подоконнике, над таниной кружкой. Во дворе Ефим принимал первый остывший обод. Первый удар по дереву он сделал вполсилы, остальные отсчитал вслух. Слово это Марена всё ещё видела на дощечке, закрыв глаза. Хотелось хоть ненадолго оставить его за порогом.

Почти улеглась, когда внизу застучали. Трижды, с паузой. Таня, обещавшая прийти только за ковшом, заглянула и попросила спуститься. С порога двора сразу было видно, где повернула чужая телега. За ней остался дважды загнутый след. Мужчина с передка ждал у двери и грел руки под мышками. Объяснил, что разыскивает сына, с которым вчера разошёлся у Ильина. Сам дошёл пешком, потом сел на телегу. Сыну пообещал оказаться на Яровом до темноты, чтобы мальчик не совался в сухую балку. У отца на правой руке сохранилась верёвочка, которой до заморозков перевязывали узлы. Такую же, по его словам, оставил мальчику.

— Лукьян? — спросила Марена.

Он коротко кивнул. Из-под куртки достал мальчикову шапку. Пожаловался, что карман оттянулся, зацепился на повороте. Таня уже успела открыть список и прочла ему, что чужой двор записал паёк за двоих, а имя сына надо искать среди тех, кого приняли вечером. Когда она попросила назвать имя, Лукьян ответил за сына сам. Евстафий. Сказал так, будто долго учился выговаривать это имя с первого раза и не стесняться. Таня вслух прочла весь лист. Евстафия там не было. Ещё четверых отметили на приходе, но куда они ушли, не записали. Одного отвели по короткой дороге у колодца, за другого пришла тётка с незатёртым кожаным узлом. Лукьян сперва положил мальчикову шапку туда, где оставили тёплую лавку. Потом сам поднял шапку и спросил, куда пошла тётка.

Таня не узнала её, а мужчина настоял, чтобы проверили, сколько лет тому, кого она увела. Если восемь — это его. По одному шнурку Ляха не могла решить, тот ли это мальчик: во дворе было двое примерно одного роста. Потом Ляха припомнила, что обувь у мальчика была из пары разных мастеров. Как у того, кому она в пятницу пересыпала крошки. У него стёрся хлястик с левого края. Лукьян уже спускался по нижней лестнице, остановился и попросил повторить. Евстафия нашли бы по такому хлястику, левый сапог он сам замотал верёвкой.

Марена дошла с ним до колодца. От Таниного окна отблеск оставался до второго поворота, дальше виднелась одна лампа. Они позвали один раз с нижней стороны. В ответ сперва заскрипели двери, потом кто-то упустил в проём заслонку. Со двора вышла женщина в валенках, с черпаком подоткнутым за пояс. Три дня назад они брали у неё подорожный квас. Тогда ей не хотелось наливать, пока не заплатят. Теперь она велела говорить по одному и, услышав про хлястик, сразу позвала Евстафия. Он спал на голой полке с задранной рукавицей. За рукавицу отцу и пришлось его будить.

— Там же договорились, я тебя пойду искать, — сказал Лукьян, натягивая шапку сыну на затылок.

— Так за мной из Ильина и пришли. У Аркадья дров хватило бы. Меня тётя Ксюша потом отсюда забрала, потому что у Аркадья дверь совсем заклинило. Ты бы не узнал там?

На лице у Лукьяна уже было видно, что не узнал бы. Он тронул пальцами висок сына, где завёрнутая шапка прижималась слишком крепко, и поднял ухо из-под шерсти. Женщина вручила ему горшочек с квасом. Оставаться можно хоть до утра, но тогда спать придётся всем в одной комнате, на заваленке не хватит двух лавок. Лукьян переставил квас с одной руки на другую. Он пообещал сам выйти в первую половину дня и найти, на каком именно возу сын приехал.

— В каком часу закрыли Ильин? — спросила Марена.

— Три дня назад осыпало край, — сказал Лукьян. — Вчера там ходили через пешеходную дверь. Из наших никто телегу бы не вывез. Знак у стола брали с зимней стены. Мне говорили про одну меру, за мальца. За меня кто просьбу дал?

Марена честно сказала, что пока не знает. По Таниной записи на Ильин ушла мера за вчерашний запрос, по Фёдоровой кладовой в тот же приход сняли два места. Кто-нибудь мог помогать Евстафию отдельно. Чтобы установить это, надо было свести две записи с часом и с человеком, который оставил коробку. Она попросила Лукьяна рассказать Тане самому. Если новый человек будет разбирать вчерашний лист, пусть там хотя бы известно, кого искать. Лукьян попросил записать сначала, что сына нашёл. Остальное он мог объяснить до утра. В тёплом окне женщина подвесила над спящими мокрую носовую тряпку. Марена вернулась через тёмный двор одна и долго нащупывала в углу лавку, которую сама починила.

Перед первым колокольчиком стояло розовое морозное утро. Онисим успел вынести вчерашнюю работу к дворовому столбу. Обод на телеге сбоку выгнулся, пришлось осадить его взятыми из кладовой колодками. Сегодня дерево следовало держать в тепле, чтобы вечером крепёж не отошёл. Ефим проверял ступицу носком. По рукам у него ещё шли отпечатки от пеньковой обмотки. Он почти не расгибал пальцы, а на вопросы уже отвечал громче вчерашнего.

Онисим позвал Марену. У него был запечатанный свёрток, весь в мучных следах. На запечатанном краю неровно вывели: старосте за Угорьем. Он попросил Марену передать письмо Савелу. Внутри — когда Онисим сможет прийти и какие две телеги просит пока оставить на козлах. Просьба об отсрочке. Получится — за вторую неустойки не возьмут, первую неделей позже выведет сам. Он показал, где держать, чтобы клей с угла не распался.

— А ты точно здесь? — спросила Марена.

Онисим перевесил шапку с одного гвоздя на другой. В дальнем конце двора раскрыли дверь, в ней уже просили Фёдора о большом крюке. Тот ответил: сначала доведу одного человека, потом наберу второй заказ. Онисим теперь мог делать в день две работы рядом, и после обеда рассчитывал сам пройти на малую заставу, спросить, в какой день уходит новый обоз. Марена посмотрела, снял ли он с ремня вчерашний след. Нет, той самой стороной наружу он ещё выходил к Фёдору, чтобы завтра явиться на обе работы с прежним именем. Она приняла свёрток и повторила час, в который его выслушает Савел.

За мостками потянулся первый воз. Колокольчик ещё не ударил; можно стало услышать только ледяное скольжение под дужкой. Марена подняла с порога сумку. На возу Савел ехал рядом с мальчиком в рыжей рукавице. Усадил мальчика между мешками, подал руку Марене и при этом ничего у неё не спросил. Мальчика он довозил до третьего столба. Дальше его уже ждала мать; она вышла пешком и заняла половину дороги, растянув над головой чистую ткань. Савел остановил воз. Мальчик спрыгнул на жнивьё, и только когда подошёл к матери, лошади снова тронулись. От собственного места на возу Марена теперь могла видеть, что Савел, идя в обратную сторону, всегда пересчитывает вещи в той последовательности, в которой их предстоит отдавать.

Ей надо было оплатить обратный путь. Савел предложил два расчёта: деньги за проезд до Низкой или довезти её до голубого порога за работу, если она поможет подтянуть мешки. Марена приняла второе, показала, через какие кольца пропустит бечеву от брезента, и передала свёрток от Онисима. Он убрал его под пояс, уточнил, что повезёт после Низкой. Лошади на дороге уже взяли ровный шаг. Когда Марена досчитала в ряду подвески до семи и на восьмой нашла только сырое кольцо, Савел наконец спросил, как она спала.

— Сегодня высплюсь.

— И сколько ещё надо, чтобы можно было?

— Две подписи, печку проверить. У окна хватает места для стола, если Яна до весны подвинет лавку.

— Потом будешь сама там?

— С Лушей. Я думала, вдруг ты спросишь про кровлю.

Савел улыбнулся, чтобы она увидела, что он услышал. Потом признался, что ему самому не нравятся дома с печами посредине. Куда ни поставишь стол, ночью всё равно слышно, кто подошёл погреться, а утром не успеваешь прикинуться спящим. В их старом доме мать сама таскала из сеней горячие кирпичи. Сестра заводила десяток разговоров, прежде чем он успевал услышать, ради какого разговора вообще подошла. Когда Савел начал уходить на обоз, ему очень нравилось, что на морозе снаружи голоса стихают раньше. Теперь понимал, что сам чаще подходит к чужому теплу, чем даёт кому-нибудь время пожить в своём.

— А свой дом тебе нужен? — спросила Марена.

Он повёл вожжами. Левая кобыла переступила через неглубокую колею, правая остановилась у края. Им пришлось ждать, пока правая решится ступить следом.

— Пока не знаю, кому ключ оставлю, — ответил Савел.

Марена прилегла плечом к натянутому брезенту. С дороги уже виднелись два больших сарая на ближнем краю Низкой. Отсюда можно было успеть к вечеру, даже если придётся переложить ещё два мешка. Она вспомнила его белую обмотку возле письма и спросила, чья под ней отметка, где квадратом обозначено запасное место. Савел сначала растёр губы, потом сунул руку под пояс и вынул совсем другой, тонкий обрывок.

— Распоряжение присылают из Угорья. Здесь у меня ответ за вчера. Ильин просит вернуть две меры, потому что к ним ничего не дошло. Будут снова проверять, какой обоз взял.

— Они сами тебе это дали?

— Староста нашёл меня у последнего столба. Мне нужен был мел, а он сунул бумагу и ушёл за мост.

Марена развернула бумагу. Под длинным знаком Ильина не стояло ни имён, ни срока проверки. Только просьба считать два места пустыми до общей проверки. Внизу, если дать бумаге свет и пригладить загнутый край, была дата. Марена прочла и посмотрела на Савела. Они оба сейчас знали, что на Яровом уже списали две меры, а Онисим получил вчера ужин только за отдельную работу, а Савел лишился меры за место. Савел не предложил ничего сложить. Попросил пока дать ему бумагу обратно. Сначала он заговорит со своими. В половине пути Марена решила, что ей самой показать Янино кольцо будет проще, если её встретит не

один человек с ключами. Она подождёт Лушу и позовёт Серафиму. Ей хотелось узнать, сколько ещё решений можно принять, пока никто на дороге не объявил от её имени, что она уже согласилась.

Глава 6. Две подписи

Луша ждала не у ворот Серафимы. Она стояла у голубого порога и крошила с края сухую краску, как расковыривала от нетерпения свои перьевые ручки. Когда Марена слезла, Луша задержала взгляд на человеке возле лошадей. Только после этого спросила, почему тётка не поехала до Угорья. Марена сказала, что Онисим сам выбрал остаться, в Яровом, где нашлась работа. Луша поинтересовалась, часто ли придётся возвращаться туда за человеком, если он сам остаётся. В этой фразе не было ничего, на что Марена смогла бы ответить на ходу.

— У Яны сегодня ждут, — продолжала Луша. — Муж цену поднимает. Я сказала, что задаток вернуть должен будет, если поднимет. Он теперь со мной не говорит.

Марена глянула на верхнее окно. С того угла, откуда прежде видно было след старого шкафа, на улицу выставили сразу два завёрнутых горшка. Под горшками в стену воткнули чурку. На ней сушили старую скатерть, с краю она спадала до окна и плоско шевелилась. Может, Яна уже начала собирать вещи, хотя о дальней комнате ещё не договорились. Марена попросила Лушу сбегать за Серафимой: пусть Серафима придёт свидетелем, если дело дойдёт до подписей. Луша осмотрела Савелова рыжего мерина и спросила, куда девать вторую скамью. Янин муж велел отнести её в общий сарай. Марена ответила, что скамья сейчас пусть постоит, пока не поговорят.

Пол был в соломе от вынутых из сундуков вещей. Гордей отодвинул шкатулку, вытащил из-под неё лист и прижал к столу загнувшийся угол. Всё важное про кольцо Яна приписала сбоку. Вот он, как сам объяснил, приписку и проглядел. Ему было известно, что Марена может набрать у кольца людей к весеннему открытию, у неё будут общая мука и дрова и платить за угол больше незачем. Значит, стоимость тут меняется.

— Ты моё кольцо купить собираешься? — спросила Яна у Марены.

— Я обещала решить после проверки дома.

— Кто что проверяет? — буркнул муж.

Марена несколько раз видела Гордея с улицы, когда он нёс железо. Лодыжка у него всегда выступала над коротким женским валенком. Длинный он отдал брату в обмен на хороший войлок. С войлоком чинил печь. Теперь на нём были целые валенки, одного покроя. Видно, заработал на новые до зимы. Марена не знала, сколько он успел обещать за дом другим людям. Но она видела, как он мокрым ногтем перечитывает неразборчивую приписку Яны, не желая разбирать ни одного из слов, которые плохо видны.

— Сколько больше? — спросила Марена.

Гордей назвал цену. Столько Марена могла бы собрать к весне. Луша тут же сорвалась со скамьи и вынесла на крыльцо чистую кружку. На улице она поставила кружку на край голубого дерева и перевернула кверху донышком. Луша сама слышала, как при первом торге Гордей перечислял, что входит в цену. Кольца среди этих вещей не было.

— Ну так за кольцо торгуйтесь с Яной, — сказала она. — Она за него платила. Если решите продать дом мне, то по цене, за которую взяли задаток.

Гордей взглянул на стол. У самого края лежал мешочек с задатком. Марена бы припрятала их до последнего, чтобы при новом разговоре не отвлекаться. Яна же перевязала все монеты в узел, который можно раскрыть одной рукой. Для этого ей пригодилась Лушина бечева. Гордей спросил, может ли сам пройти к дальнему входу и померить ширину крюка. Яна отодвинулась. Когда он ушёл, она села на голую скамью и стала ждать. Через минуту от дальнего входа донеслось, что теперь в прежнем месте нет света. У дальнего окна поставили щит от ветра, и теперь под крюком было темно.

Серафима пришла с двумя полосками холста. Не стала спрашивать, кто ещё продаёт дом. Ей по дороге встретился человек, который принёс в счёт Яны две охапки, вторую поставил у

нижнего угла. Из холста она предложила сделать два знака для домашнего кольца. Яна могла испытать свою выдачу первой. Марена подвесит рядом свою нитку только после того, как согласится записать за какую долю готова отвечать. Так они увидят, сколько кольцо вообще будет держать на двух людях. Яна вынесла первую полоску к дальнему крюку. Марена осталась со второй, отошла на шаг, чтобы света из окна хватило обеим. Гордей уже вернулся. Сдвинул скатерть. Свет лёг на домашний ремень. Подкладка у края разошлась, из-под неё выглядывали два зеленоватых волокна.

Яна поставила на стол кусок хлеба для Луши. Луша принесла кружку обратно. По краю сбежала капля. Подписали только её имя — выдача на девочку из Яниной муки. Притянуло первую полоску. Марена прошла мимо другой двери, посмотрела, как ведёт себя её нитка. Вес от первого узла лёг на общую обечайку, конец второй полоски оставался мягким. Яна пересчитала полученное вслух. Когда Гордей потянулся схватить конец новой нитки, Марена накрыла пальцами своё место и не дала затянуть.

— Пусть я сама отвечу, — сказала она.

Гордей поднял руку и посмотрел на неё, как будто только сейчас понял, что Марена не позволит испытывать вторую полоску за неё. Марена отвязала свою полоску, положила рядом чистым краем. Первая выдача так и держалась у Яны. Её дело здесь могли отмерить даже в одну ложку муки, отдельно от второго человека. Это было видно по рукам и по мягкому концу. Снаружи Луша перестала стучать пальцами. Серафима предложила ей отойти с кружкой к стулу. Луша осталась у стола и собрала в ладонь обрезки, чтобы ничего не попало к хлебу. После возни снова посмотрели на крюк. На ремне ясно стояло имя того, кто сам держал кольцо. Но Марена уже видела, как квадрат с чужого стола обращает такую выдачу в общий расход. Здесь хватит одного поворота нитки, если кто-нибудь доберётся до её обратного конца. Несмотря на одну и ту же начальную нитку, обе операции вели к разным концам под кожей. Марена попыталась разглядеть это на глазах у Луши и вдруг захотела отнести ремень Онисима на такой обычный стол, чтобы он мог увидеть своими глазами весь ход.

Вошёл старший Гордеев брат. Короткая кучка дров за окном была от него. Он выслушал первое предложение, потом развёл руками. Возле сестры, где Яна собирается жить, надо до зимы сменить две подгнившие лаги, пока половицы не провалились. Платить за работу мужу Яны всё равно пришлось бы одному. Если продавать другому, чтоб деньги взять сейчас, надо ждать ещё месяц, когда снег уже ляжет. Он понял, что Гордей ждёт поддержки, и не стал спрашивать, кто назначил здесь новую сумму. Объяснил, сколько будет терпеть до переезда. Сам он уедет неделей позже, когда откроется дорога за кормом. Если Яна берётся отдать угол до весны, он сможет дать за отвод ещё две вязанки. Потом оставил половину счёта за дрова на коробе и вышел, как будто теперь не ему решать.

Яна положила деньги ближе к середине, откуда их могли пересчитать вместе. Гордей трогал с края лист уже в другом месте. Спросил, можно ли отдать кольцо отдельно, если у дома общий выход на улицу. Серафима подсказала кривую жёсткую скобу, на которой сейчас лежал вес. Скоба вбита в дерево, но сам крюк при открытой двери можно снять. Если он беспокоится о том, что общее право семьи придётся отдавать прежде покупки, его оставить можно пока у Яны, отдельно от дома. Потом две подписи закроют долю, и кольцом новое хозяйство займётся по отдельной договорённости. На эти слова Марена сразу положила новый холст. Ей самой не надо было торговаться за Янино право кормить девочку. Когда они дошли до цифры, Луша уже вынула записную книжку и увидела, что цену назвали прежнюю.

Гордей подписал до темноты. Яна поставила свою подпись и попросила у Марены расписку на дальнюю комнату. Прочли вместе: право Яны жить там до весны учтено в цене дома. Место у кухонного окна остаётся Марене. Про плату за дрова и чью золу выносить Марена показала ей два пустых поля. Если в понедельник поругаются, договорятся и впишут, кто за что отвечает. Под последним листом Серафима подвинула деньги. Марена подняла их и вдруг

обнаружила, что оставила у себя на ладони один лишний медяк. Луша смотрела, не попросив никак. Марена пересчитала ещё раз, отложила свой медяк рядом с порогом. После этого у неё стало столько денег, сколько вместе у них и было: половина суммы уже у Яны как задаток, половина лежит на столе, а к медяку в руке нужно прибавить стоимость короткой поездки обратно с Ярового и подлатывание печи. Всё в доме оказалось очень видимым.

На улице уже расходились. Савел ушёл к Серафиме, оставив возле голубого порога маленькую связку дров, под неё была подсунута записка. Луша принесла её Марене. Там была дата обратного рейса до Угорья, в который он повезёт Онисимову просьбу, и вопрос, можно ли вернуться завтра к этому же столу поговорить о письме. Больше всего Марене понравилось, что оно кончалось вопросительным знаком. Она дала Луше прочитать, потом первой взяла за ручку короткую вязанку и понесла её туда, где с высокого окна теперь предстояло снимать зимнюю скатерть.

Глава 7. После выдачи

Первый завтрак в доме с голубым порогом Луша приготовила из двух яблок. Одно разрезала и положила в котелок, второе, с помятым боком, разрезала тоньше и распределила по трём мискам. Яна приняла миску, заглянула в неё и вернулась за собственным хлебом. У печной стенки она поставила большой ящик. При открытых дверях было видно, что за ящиком лежит щепа, отложенная Яной. Луша хотела сразу разделить, что будет гореть утром, а что осталось на вечер. Яна показала ей нижнюю щель: через неё печь тянула воздух с порога. Если сначала положить мелкую щепу, огонь быстро разгорится. Целые поленья в такое утро за полчаса становились только чёрными.

Марена проснулась от того, что ей на щёку сыпалась мука. В кухне над скамьёй ещё оставили полку, где прежде стояла широкая миска. Яна сняла миску, но не вымела содержимое из углов. Марена поднялась, повязала платок и подошла к печи. От печи пахло яблоками и сырыми дровами. Марена стряхнула муку с подушки. За пшеницу на эту неделю ещё предстояло рассчитаться. Она заглянула в миски. Луша уже выбрала себе ту, где мякоть осталась целыми дольками.

— Сколько в хлебе твоего? — спросила Марена у Яны.

Яна ответила, что сегодня — весь. Такое имущество у неё пока не менялось. Она отдаст полкаравая на три дня, а за эти дни купят пшеницы и проверят с Лушей, сколько хлеба им нужно на троих. Если считать по мискам, все три человека сразу увидят, почему неделя обходится в нецелую меру. К вечеру Марена предложила раздобыть стол для шитья. Яна сказала, что до вечера надо вымыть оба окна. Она прежде привыкла видеть в них, с чем возвращаются люди, и всё лето эту привычку откладывала на время, когда у Гордея перестанет идти дым под крыльцо.

Савел пришёл, когда снимали вторую раму. Луша пыталась поймать оставшийся под краем нижний шплинт. Марена придерживала раму плечом и поэтому видела только Савелову ладонь. Он постучал ею по открытому косяку и дождался, пока Луша скажет: «Держи крепче». Подошёл, взял раму с другой стороны. Луша сразу уронила шплинт. Потом, пока Марена смотрела в щель, подошла с сухим полотном и спросила: «Как это называем, утром или до обеда?» Савел ответил: до обеда. Она записала, кто пришёл дать им в руки раму, и пошла подбирать шплинт.

Письмо он достал один раз. В кухне развернул, прижал один угол кружкой, чтобы из открытого окна лист не сдуло. Теперь она могла рассмотреть не только слова о пустых местах. Вверху от руки дописали: «по малому отводу, через стол Тани». Ниже староста сослался на вчерашний приход и приложил метку отдельного отправления. Савел подтвердил, что видел, как его у малого столба занесли в путевую книгу. С собой он также принёс свою копию приёмной доски. У себя в обозе всегда записывал по крупе и корму, даже если на общем листе старые расходы переписывают еженедельно.

Оба листа положили рядом. В Савеловой записи место было вечернее и расход — одна мера, ровно столько, сколько он оставил за Онисима. У Тани накануне списали две меры с малых колец; Ильин их не получил. Складывать три меры в один расход действительно не следовало. Марена прямо в черновике отделила свою цену за дневной хлеб от Савеловой. Под одной строкой и не разберёшь, какой расход подтверждает каждый из них.

— Пусто там не значит свободно, — сказал Савел. — Пусто значит: не трогать до времени. Они хотят, чтобы мы поехали завтра широким объездом, без ночёвки для тех, кого попросили до сверки.

— Кто они?

— Стол у ворот Угорья.

Он сказал это так, как говорят о всей верхней улице, когда впервые не видят, кто унес колоду. Марена помнила, что семью выездными дворами распоряжалась Аграфена Борина. С детства она знала её в лицо. Летом та с обозной выручки платит вперёд, зимой поворачивает залог в муку, осенью может обменять телегу на пять чужих коней. Чья от руки стоит помета, Савел не назвал. Когда Марена протянула лист к нему и спросила, можно ли унести надпись отдельно, он прикрыл бок письма ладонью.

— Переписать можешь. Подлинник за мной, я за него там расписывался.

— Тогда переверни сам. Я сначала посчитаю, четыре ли там слова.

Он перевернул. Прочли, что до ма́лого сбора надо ждать шесть недель. За шесть недель сверят оставшиеся резервы, с большой дороги заведут свой образец на зимние переходы. Прежние вольные места там также станут счётными, если двор своевременно сдаст форму. В таком случае ни один знакомый им порог не останется без счета. Наверно, удобство от этого вышло бы для тех, кто уже имеет, чем снятое возместить. Марена думала о Лушиной тетрадке, где июньский полдник вписали под маем, потому что девочка раньше не знала, где вывести следующий день. Из-за этого никто не мог потом сказать, что всю следующую зиму полдник будет оплачен.

У Параскевы Ходок и её сына уже имелось личное обещание от мужчины на Яровом, но Таня продолжала искать вторую опору. Через Серафиму узнали, что мать собирается с ковровой стороны вести две тяжести, одну гораздо выше другой. Даже если их пустят в тёплый навес, мать с мальчиком придётся на чём-то уложить. Савел предложил свозить вечером к Тане тюфяки. В повозке хватит места на два, хотя потом порожнем придётся возвращаться до трёх колоколов. Марена посмотрела на вторую раму. Пока она сушилась у стены, из дальнего угла Яна вышла к полке со своей хорошей серой миской. Выставила скромной стороной наверх. Под ней осталось нескормленное яблоко. Она ещё не знала, сколько Лушиных слов успеет выслушать сегодня. Делиться её углом без неё никто не мог.

— Пока пробовать можно у Серафимы, — сказала Марена. — Она даст одно своё место, если к ней подойдут по имени. Яна здесь скажет за второе, если захочет. Человек с Ярового пусть оставит обещанное, пока не знает, что всё устроилось.

Савел начал писать лист поперёк собственной копии. Дошёл до «берём две койки на наш счёт» и остановился. Открыл пальцы. Марена заставила себя сидеть тихо, ничего не исправлять. Савел положил недописанное поперёк стола, отошёл к печи и в первый раз за утро спросил у Яны, где ей удобно говорить.

У Яны оказался свой замысел. В свою дальнюю комнату она никого пока не возьмёт: сестре перед отёлом требуются тишина и привычное тепло. Зато от скупщика она только что вернула две шкуры. В Глиняном ложке вдове полагалось получить их за выправку крыши. Если Савел перевезёт шкуры на Яровое, Яна отдаст одну в счёт постели. До морозов запись останется у неё, и только она сама подтвердит выдачу с домашнего кольца. Принять решение она готова сейчас. Гордей про продажу дома уже успел сказать брату, а про шкуры никто его ещё не спрашивал. Вдвоём поднимут обе, даже если по дороге снег ляжет в брезент. Марена написала это на отдельной бумаге. Яна прочла, посмотрела на затёртый кусок стены и попросила первый раз написать «если обе шкуры дойдут».

Луша услышала, что они собираются проверять оба обещания на чьём-нибудь ремне. Полного дорожного ремня у неё пока не было, зато она могла сама проверить маленькую петлю. Для этого у Марены давно хранилась узкая детская тесёмка. Луша принесла её из сумки, в которой после переезда держала перья. На первом конце Яна поставила свой знак. Отослали Лушу к Серафиме посмотреть, выдержит ли тесёмка вторую отдельную выдачу. Луша спустилась с порога на три шага и вернулась.

— Что сначала сказать, сколько стоит или кто я?

— Сначала скажи, что сама пришла попробовать, — ответила Яна.

Луша посмотрела, с какой стороны на тесьме лежит первая мягкая затяжка. Палец, который её скрёб, она убрала. Вернулась минут через двадцать, со следами муки на манжете. Под мукой оказалась вторая петля. Первая не распустилась, вторая держалась у другого края. Луша спросила, можно ли теперь сверить обе у Яны. На домашнем кольце чужая затяжка спокойно проскочила. Когда проверили первую, родная держалась. Марена обвела две точки, где прикоснулись пальцы, и записала результат. Два самостоятельных места можно подтвердить, не давая одному двору власти погасить второе. Чтобы повторить это с дорожной долей Онисима, требовалось его согласие и умение открыть складскую затяжку, не лишив его остальных прав. Ни того ни другого у неё пока не было.

В середине вечера Савел подошёл за шкурами. У Марены под рукой оставалось время поставить одно отверстие на новой перевязи. Савел сел напротив, не просил закончить поскорее. У него на старой куртке обе руки в плечах ходили не одинаково. Он держал шкуру выше, чем нужно, и не видел, как её край упирается ему в подбородок. Марена положила нож, расправила края и встала ближе. Так они и опустили первую шкуру на чистый холст, за одинаковый край, одним движением. Савел не сразу выпустил холст. Марена чувствовала сквозь него тепло его руки. Она спросила его, привык ли он к тому, что на дороге всякий раз приходится обещать за других.

— Привык, что иначе не дождутся, — ответил он.

— Кто?

Савел поискал какой-нибудь широкий ответ. Потом сказал: «Сестра иногда». Марена не стала отвечать. Прежде он обещал ей прийти поговорить о письме, обозначил себя по имени и подождал у открытой двери. Теперь ему достаточно было сказать, при чём здесь его сестра. Она отпустила край холста, чтобы не держать вместо него. Он сел на лавку и вынул из кармана складной нож. Обоими пальцами долго открывал его не по той стороне. Потом положил, не открыв.

— Она предложила сначала взыскивать со старых поручителей, — сказал он. — Я был за. До списания по малым ещё года два после этого шло. Думал, зимние долги потом сами уберём. Если дам расписку, что об этом у неё спрошу, ты не перестанешь спрашивать сама?

— Я уже у себя записала.

Он посмотрел на неё очень внимательно. Потом достал письмо, в котором стояло «через стол Тани», и отдал Марене подлинник до следующего выезда. Она расписалась за него в Лушиной тетради, оставила время возврата. Савел заметил, что для этого ей пришлось сесть с краю. Пододвинул скамью. Когда Марена подняла руку, чтобы переставить горящую лампу, он придержал её за ладонь. Она не сразу убрала руку. Лампу можно было оставить на месте, пока оба видят, что написали.

Глава 8. Две шкуры

К выезду одну из Яниных шкур пришлось завернуть отдельно. По мездре у длинного края проступил жир, кожа в этом месте отмякла, и если проложить её поверх сухой, жир испачкает обе. Марена нашла старую простыню, растянула на скамье и оставила спуск до пола. Савел принёс из телеги ножницы, но распоряжаться простынёй спросил у Яны. Та велела сперва проверить, где заплата: если она около синей метки, в середине прорежь, а два края останутся завязывать. Этого хватило на две отдельные обёртки. Теперь шкуры можно было свести вместе, а на месте проверить каждую. Луша отрезала две новые бирки.

На первой бирке Яна написала своё имя. На вторую попросила оставить имя той женщины, которая заплатила за выправку крыши. У шкуры был голубой стежок. Вдова сделала его ещё когда держала овцу на продажу и думала найти этому стаду другое место. Стежок оставался на нижней подтяжке, Марена отыскала его не сразу. Из кухни Яна принесла бумагу и взяла за уголок. Хотела написать «обе» и тут же передумала. Если они на дороге решат обоих гостей положить на одну шкуру, другая поедет дальше, куда её от начала обещали. От Марены нынешней зимой Яна вообще требовала по одному делу на строку. Марена попробовала представить, как станет спорить с этим правилом в феврале и захочет написать обед за весь месяц сразу. Тогда Яна перевернёт чистый лист, положит перед ней монету и спросит, в какой день её отдали.

Когда выкатили телегу на траву, за соседним навесом слетел первый слой инея. Луша взяла стоящую у двери ложку, постучала ею по тонкой стенке и передала Марене. Никакого домашнего ремня от тётки она сейчас не просила. Хочет после обеда сама прийти к Серафиме и помочь с мешками. Обратно пойдёт с лампой с узкой чашей: когда темно, не надо видеть весь дом, достаточно выреза у доски. Марена услышала в конце «с Яной». Два дня назад она бы ещё постеснялась позвать Яну.

— Лампу к высокому окну не вешай, — сказала Марена. — До окна там низко, ткань займётся.

— Мы с Яной поставим на полку.

Вот теперь Марена могла отдать ложку. Луша взяла её и положила к двум биркам, чтобы они не поднялись от ветра. За чем-то ещё не побежала. Савел привязал письмо сверху, отдельно от шкур, чтобы при покупке овса не снимать весь воз. По пути он обещал оставить Онисимов свёрток на Угорье до вечернего рейса. Они снялись, когда над Яниным углом ещё не было солнца. Колёса дважды стукнули о выступы на выезде. Марена не успела обернуться и уже знала, что Луша сама затворит дверь под тем углом, который вчера выбрала.

Ехали быстро до первой глинистой полосы. Пока шли через неё, Марена спрыгнула и тянула за край завязки. Старая кожа разбухала от воды. Пришлось выворачивать узел, чтобы уложить его на сухое. Савел подержал завязку, она накинула петлю на скобу, и с уставшими лошадьми вышли на утоптанный след. У железного указателя ждал маленький возок, у которого передний борт накренился к самой земле. Из-под холста выглядывала чужая рука. Она ещё держала верёвку от дождя, пока второй человек вылезал на траву. Верёвку подхватил мальчик, немного старше Евстафия, свесил босую ногу и поставил на самый верх коврового свёртка.

— Параскева? — спросила Марена.

Женщина обошла воз и из кармана извлекла расписку. Параскева Ходок. Лицо у неё показалось Марене знакомым раньше, чем дошла подпись. Видно, носила ковры в проходе Серафимы и издали чертой показывала, на котором узле полотно начинается заново. Прежде чем поздороваться, она указала на маленького коня. Конь увяз передними ногами. Выгнул шею, у ноздрей белела пена. Из передней части воза вытянули оба узла. Возок лёг на край,

конь смог бы выйти, если бы сзади кто-нибудь придержал деревянную правую оглоблю. Марена предложила позвать Савела, тот и так уже шёл за ними с короткой доской.

Втроём вывели коня на сухой след. Параскева сняла с него без всякой помощи уздечку, положила на траву и осмотрела ремни по одному. Вырвало широкую подпругу возле боковой шлёвки. Зажать её в прежнем положении временно можно, но тогда новый шов ляжет по старому разрыву. Отсюда до Ярового ещё почти час. Параскева спросила у Марены, сколько возьмёт отвезти обоих и довести коня на сухое. Марена отвечала только за подпругу. Савел сказал, что один ковёр он может подвезти сразу. Если класть оба, шкуру надо везти под ногами, там уже нет досок и сверху будет бить грязь. Марена предложила переждать починку на сухой обочине. Параскева попросила сначала дать ей увидеть, на сколько придётся сдвинуть пряжку. Место у ремня она теперь помнила наизусть, отмечала углом пальца и без зазора.

Чинить пришлось сидя на сырой земле. Параскева придерживала коня, мальчик тащил щепки. У Марены в сумке хватало длинной вощёной нитки, а цельный обрезок кожи оказался годен только в той части, где его не успели растянуть руками. Когда она поставила три первых стежка, конь вытянул шею. Марена работала, пока Параскева с низкого края вытаскивала свои вещи. Савел отвёл лошадей к траве и взял один ковёр на плечо. Один конец ковра свисал до сапог, над головой торчала золотая кайма. Марена, прежде чем зашить четвёртый стежок, поймала себя на том, что смотрит на него и улыбается.

— Почему у вас на большом свёртке золотая кайма? — спросила она Параскеву.

— Я на ней ошибки считаю, — ответила та. — За каждый раз, когда я должна была велеть другому говорить за меня.

Она сказала это без улыбки. Только когда Марена удивилась, поставила палец у края и показала ей перевёрнутую веточку. На изнанке цвет был серый. Оказалось, сначала Параскева хотела пришить сверху другую кайму. Потом заказчик увидел перевёрнутую веточку, попросил оставлять. Он давно собирает вещи, где по изнанке можно читать, в какой работе изменилась рука. Марена заодно поняла, почему Параскева отказалась отдать Савелу второй ковёр. Второй был обычный, да ему предстояло ехать на другом месте, там, где дорогу видят, а руки держат узел. Сейчас надо довезти оба и свести с человеком до снегов, иначе в мастерской от Параскевы будут ждать работы всю зиму за те же три семейные рубахи.

Отремонтированный ремень затянули свободнее, чем до провала. Параскева сама оглядела оба края, проверила пальцем и дала сыну встать на верхнюю доску. Ступенька у него осталась сухая. Один ковёр положили у него, второй Савел завёз на угол своего тента и придавил обеими ветошами от шкур. До самого Ярового шли рядом, почти не переговариваясь. Однажды Марена оглянулась и увидела, что Савел смотрит не на её лицо, а на руки, которыми она теперь держала вожжи. Когда перед поворотом он предложил снова вести лошадей сам, Марена отдала ему вожжи, но осталась рядом на облучке. Так они и въехали в ворота.

Таня вышла в лёгком фартуке. Под ним у неё торчал угол чистой подушки. Пока Параскева разворачивала расписку, Таня выкрикнула Ляхино имя, велела принести ещё одну наволочку и только потом спросила у мальчика, далеко ли утром ему опять идти. Мальчик пожал плечами. Он сказал, что пока останется с матерью. Та договорилась, что сегодня они лягут рядом с печью. Марена решила, что пока есть время отдать свёртки Яны и проверить условие в её бумаге. Обе шкуры довезли целыми. Теперь одну можно отдать за постой, как обещала Яна, а вторую отправить вдове. Таня не стала прятать шкуры: положила на сухой стол и попросила вслух назвать обе бирки. Потом вывела к тёплому месту мужчину, который обещал постой, и при Параскеве объяснила условия. Он даст две охапки дров и разделит полати с матерью и мальчиком. Общей муки сегодня не выдадут, но на лепёшку он наскребёт своей. Параскева выслушала всё. Согласилась на дрова, за хлеб предложила вечером заплатить. Мальчик тут же отбежал в дверь. Передумал и вернулся с набитым дорожным мешком, который ещё не развязали. К первому ковру он сам поднял сухой угол, чтобы край не потянул чужую пыль.

Марена передала Тане копию запроса с Ильина. Таня повела пальцем по верхней строке, прочла «по малому отводу», очень тихо спросила, где они теперь видели две меры разом. Пока Марена рассказывала, Таня не поднимала головы. Когда отёрла глаза, сказала: тут обещали четыре. Два числа она теперь могла предъявить соседям: в одном источнике Яровое отдало, в другом Ильин не получил. Без согласия дворов ей одной нижнюю выдачу не отпустят, а завтра с Угорья поедет объездной воз собирать согласия. Параскевину расписку она вложила отдельно. В обычном списке одно пустое место ещё сможет пригодиться. После объездного у них распишутся сразу за весь будущий месяц.

— Что вы дадите, чтобы они услышали? — спросила Марена.

Таня придвинула к себе письмо. На полях написала, что две охапки хозяин отдаёт сам, без зачёта в общий расход. Снизу указала, чей был ковёр, починенная подпруга и где примут маленького коня, если утром снова похолодеет.

— Вот это отнеси. На пути есть три двора, в каждом должен оставаться лист про то, сколько у нас освобождено. Один из них точно прочтёт, чем покрыли наше. Наведи на этот счёт. Ключ от кладовой оставлю у себя.

Онисим всё это время сидел у рабочего навеса. Он встал, вынул пояс и свернул по старой складке. Марена напомнила, что просила показать ему пробу на обычном ремне и на чужой нитке, если он разрешит. Онисим посмотрел на свою пряжку, потом кивнул на Таню. «В её доме при ней». Он не обещал открыть кожу. Марена согласилась и отдала лист со списком Савелу. Тот проверил, поместится ли письмо у рукава. Обратно сегодня уже не поедет. У старосты на Угорье ждут просьбу от Онисима, а им самим придётся ехать дальше, к Пепельной заставе, где предстоит сверка свободного зимнего запаса. Там ни чужим замком, ни старым именем, сказал Савел, подменить хозяйку не получится. Марена ответила, что поедет с ним от Ярового, если утром успеет передать Луше письмо и сойдётся с ним в цене проезда. Первая рука, потянувшаяся за листом к ставне, была у Тани. Она уже думала, сколько ей в таком случае нужно оставить масла для двоих.

Глава 9. Откуда приходит приказ

Онисим вошёл в Танин дом без шапки, с ремнём, свёрнутым поверх шапки. На столе уже лежал чистый холст. Таня распахнула ставню, достала книгу и подвинула её на свет. Онисиму предложили сесть там, где у ноги стояла пустая корзина. Он вынул корзину из-под стула и поставил на пол возле печи. Вытянул больную ногу и больше уже не подбирал её под стул. Марена увидела, как он перевернул шапку и стал смотреть на ремень. На стол его теперь он положил сам.

Таня завязала короткое обещание: за работу у лошади — завтрак. Онисим сказал, что берёт завтрак за эту работу. На этом месте один лишь свободный край у пряжки дрогнул, остальные стежки остались неподвижны. Танина нить осталась в крайнем гнезде, которое Марена прежде не трогала. Если поставить ремень на ребро, видно и более старый след. Он ушёл под кожу сразу в нескольких местах, будто туда сбоку тянули новую нить и той же рукой наметили, куда она должна выйти. Таня попросила поставить рядом старую засечку на ремне Савела. Марена сказала, что Савел вышел за лошадьми, чужой образец потом. Пока разобрали различие и так: дать завтрак за работу у лошади Таня умеет, чужое обещание при этом не трогает. От общего счёта на Онисимовом ремне три следа, и всё, за что сняли выдачу, отмечено более узко, с той стороны, где край целый. Чтобы эти следы поставить, пришлось удерживать оба конца разом и подвести под нить медный квадрат. Онисим услышал тогда то же, что вчера по поводу пряжки, но теперь рядом сидела Таня и сама ткнула пальцем по обе стороны ремня.

— Я держала с одного конца, — сказала она. — За тот, где тень была. Другой был у Фёдора. В прежний день мог ещё кто до него держать. С твоего разрешения, если ты давал. Через окно его открытым вешали.

Её слова, возможно, впервые были похожи на начало ответа. Онисиму как будто больше всего хотелось знать, в какой день сгорело его колесо. Он нашёл по краю один старый ожог. Серединка гладкая, насквозь ожог не прошёл. За день до Ярового он уже подложил туда мокрую тряпку. И там, у Тани, за ремень взялись с того конца, который потом уходил на спину. В Яровом вопрос был о покупке железа, он отдал ремень на стол ради пряжки. Если кто и заметил след прежде, мог принять его за точку от уголька. Онисим пришёл бы ещё раз, повернул ремень другим концом. Или сразу дал бы поспешить Таниному работнику, не снимая своего. Теперь требовалось узнать, начинать ли проверку на старом огне, где ему впервые назвали долг. Марена предложила не снимать ни одной из трёх меток, пока не найдётся вторая сторона, которая себя под ними признаёт.

Онисим перестегнул ремень. На новом месте у бедра села мягкая петля за вчерашнюю работу. Пока шёл от стола к печи, петелька осталась и продолжала держать. Он посмотрел на Таню с подозрением, словно теперь ей придётся одолжить ему и горячий котелок. Таня вытряхнула ему в миску остатки гречи, сама посолила. Онисим доедал рядом с пустой корзиной, у двери шли мимо один человек за другим. Никому не пришлось вносить запасное место за то, что он сел за тёплый стол.

Марена перед выездом отдала Ляхе письмо для Луши. Договорилась о проезде с Савелом до Угорья и Пепельной по обычной цене за лёгкую сумку, а считать дорожный крепёж они будут отдельно, если придётся что-то чинить. Савел так и записал на обороте путевого листа. Затем вынул из тента сухое одеяло и долго не мог понять, зачем Марена требует сесть у края, откуда больше дует. Она показала ему масло, которое Таня оставила для их лампы. Масла хватит на два коротких проезда. Если очень холодно, оно застывает в горлышке на одну готовую остановку раньше. Ей нужно видеть, откуда тянутся чёрные места дороги, чтобы переставить короб для сухой еды под бок, как только станет тесно. Савел переставил короб заранее. Ещё

чуть-чуть, и она уже просила бы его подвинуться, чтобы ей было куда вытянуть ногу. Он молча дал ей сесть.

Верх степи с Ярового шёл не прямо. Сперва дорога шла между обрывами серой глины, затем мимо изгороди, где к каждому столбу внахлёст привязали по две жерди. За ними тянулся глубокая колея. Туда уехало столько телег, что от одной поездки уже не отличишь другую. Решили держаться указателей: первый показывал на северный берег, второй отводил на старую дорогу влево. На втором с доски выскоблили запас, а три выемки остались. Издали Савел принял три выемки за остаток надписи. Марена попросила остановиться. Никакой надписи не было, зато под последней трещиной свежий обрывок тесьмы тянул туда, где узкая осенняя дорога подходила к чужому амбару. На обратной стороне указателя углём было приписано: «К колодцу пешком». У самого места, где можно было развернуть лошадей, из грязи торчал обод чужого колеса. Перед ним вытянули две старые доски, на одной уже сломано ребро. Чтобы провести мимо пустой воз, хватит переставить доски так, чтобы обе лежали поперёк колеи. С двумя шкурами и коробом масла нужно сперва вынуть всё, что можно перетащить отдельно.

Они разгрузили телегу, пока не подошёл человек с нижнего поворота. Молодой мужчина в длинной куртке с железными пуговицами. Назвался Лукой, жил на Ильине. Он шёл пешком от каменного колодца. Его позвали засыпать яму до завтрашнего выхода обоза. Кто рассчитывал, что её сам объедет, в это утро застрял, бросил колесо, погнал лошадь к сухому. Был один и утром у ворот Тани, сказал Лука, спрашивал, зачем у кого-нибудь опять отмерять назад, что не дошло вперёд. У него в сумке лежал маленький угольник. Вынул его, перевернул, показал срез.

— Снег придёт, тут хоть три воза положи, не проедут, — сказал он. — В первый раз к Таниному двору ездил кто-нибудь отдельно. Наши все через колодец сейчас. Объезд размыло с обеих сторон.

Марена показала ему письмо со знаком Ильина. Лука поставил угольник рядом, фамилии старосты прочесть не сумел, зато показал, где у двора обычно лепят лишнюю черту вверх. На этом листе она была. Печатать так начал староста, когда его брат увидел, что два двора с одинаковой печатью забирают общее тесто через одного мерщика. Лука сначала хотел оставить оригинал у себя. Марена напомнила, от кого получила, а вместо него показала копию. Он согласился поставить своё имя с днём возле записи о закрытой дороге. Потом поставил подпись у отдельной строки: «Про то, какие возы из Угорья шли к Яровому, сам не видел».

На сухой полосе Лука помог поднять настил, пока Савел направлял заднее колесо. Вторая колея уже наполнялась водой. Лошади прошли, когда Лука без всякой спешки отвёл переднюю доску дальше от рёбер. Потом он сел на повозку. За проезд до верхнего поворота записали один час работы в насыпи. Янина вторая шкура после ухаба чуть съехала под борт. Марена настояла, чтобы в Угорье над нею снова перевязали оба конца. У вдовы в Глиняном ложке должен был сохраниться голубой стежок. На половине дороги никто ещё не слышал, закончит ли она крышу. Можно было легко довезти ей ещё один лом, если ещё вечер подождёт. Савел попросил Луку передать через колодец, что дорогой займутся до утра: досок понадобится больше, чем он принёс одному человеку.

В Угорье старосту нашли у окна, из которого высовывались передние ноги козы. Староста поднимал её задом, считая, где та зацепилась. Лука подсобил сзади, Савел убрал железный стул. Вместе вытащили козу. Она ударила копытом в стену и ушла по складу так, будто никто её никогда не задерживал. Старосту звали Елизар. От Савела он принял Онисимов свёрток, сверил замазку и показал на пустой кусок стола, чтобы рядом можно было положить другие бумаги. Делал он это в собственной кухне, а не в зале у ворот, где Марена ожидала встретить его на официальных часах.

— Для двух телег за Угорьем я оставлю козлы до следующей недели, — сказал Елизар. — Одну ждут в Мельниках, а до Мельников ещё нужно кому-то довезти. Вторую уже старая Шура у себя приняла. С обоих мест спросить до срока он действительно успел.

— Отвечу после нового рейса, — сказал Савел.

Елизар написал ответ Онисиму и отдал Савелу, написал час доставки отдельно, обещал донести потом до старосты Мельников. Марена подвинула к его руке письмо с просьбой о двух недошедших мерах. Узнав письмо, Елизар заговорил быстрее. Он снял с них требование до завтра, потому что два места и так пустые. Когда у Ильина выход засыпало, мать с двумя дочерьми всё же перебралась через малую дверь. Они нашли людей на ближайшей постоялой печи. На общем же возу, который должен был уйти на Ильин, осталось ещё два места. Елизар сам спросил, какой двор отправит за ними сыпку. У Ярового отвечать готовы были отдельно, по имени каждого. Через общий стол в тот день запросили ещё какую-то меру, как если бы дворы уже ссудили её, но по мелкому запасу легли две. Их не было видно ни внизу, ни в остатках Ильина. Елизар показал, где от прямой выдачи осталась тонкая строка. Внизу лист подогнули там, где обозначено, кто пришёл в малую дверь. На другой стороне оказалось три имени. В числе трёх имён Лукьяна не было, Евстафия тоже. Для сына Лукьяна когда-то запросили отдельную меру через другого возницу.

— Кто записал вторые две? — спросила Марена.

Елизар взял с края таза полотенце и протёр им край стола. Прежде никогда не приходилось говорить об этом под открытым окном. Такой распоряженец был на бумаге только один. Весь свободный запас сегодня допишут за человека по первому списку. Если первым видели Ильин, даже при лежащих под его перекладиной досках просят отвесить с приёмного двора в его пользу. У самого Ильина мера при этом не прибывает. Чтобы узнать окончательно, куда записали две Танины, нужно прийти на Пепельную с обеими сторонами счёта, пока туда ещё не протянули пробное списание. Через маленький ход у них ходят только запросы. Там, на Пепельной, ещё стоит настоящий узел. На тот узел Фёдору в Яровом не хватило трёх кусков нарезки, он как раз говорил, что видел две ссыпки в коробке.

— Дайте выписку от Ильина и указание, когда можно проверять, — сказала Марена.

— Если взять с меня, понадобится и от Тани. Её запись вы несёте что именно?

Она показала оба листа, оригинал запроса и Танину бумагу. Елизар сравнил их с книгой. Закинул назад полотенце, потом подошёл к Савелу, который всё время молчал. На одном рукаве у Савела перетёрлась крайняя петля. Елизар ухватил его за рукав, чтобы непослушная ткань не попала в чернильницу. «Знаешь чей почерк?» — спросил. Савел сказал: «Нашего стола». Мог бы ответить раньше. Марена поняла, что теперь ещё не сможет сказать ему об этом спокойно, и пошла к двери ждать выписку. Там хромая коза, только что устроившая им столько хлопот, вставала на задние ноги, пытаясь дотянуться до чьего-то узла. Марена отдала ей один сухой лист с мётлы, села на ступень и слушала, как Елизар читает с начала запись за четырнадцатый день. На листе есть имя того, кого на Ильине ждали. Ещё должно было найтись имя человека, который решил, что можно подождать и без него.

Глава 10. На другой стороне ворот

Пока Марена ждала, Елизар пришил к выписке кусок старого конверта. По одному краю конверта стоял отпечаток липового семени, которое прилипло к сургучу. Он мог бы переписать число, выдать мягкую бумагу и сказать, что видел. Вместо этого отдал настоящую ответную половину. Человек, принимавший запрос, должен будет разорвать шов на её глазах и назвать надпись с нижнего края. Если поспешит и перескажет прежде, чем распорет, пусть Марена сама отойдёт от стола. Ей понадобится, чтобы это видели ещё двое.

— А если вообще не дадут посмотреть? — спросила она.

— Мне на Пепельной помогают, когда они знают, чего от меня хотят. Скажи, я готов своё спросить. И деньги, если будут, забрать по настоящему счёту.

Марена убрала бумагу. Янина шкура ещё лежала на возу. Савела вместо денег у верхних ворот ждал сухой мешок и гладкая дощечка. На дощечке писали, когда он возвращается за следующим заказом. Марена обошла двор, пока он не был занят, и сказала, что больше не пойдёт с ним на сверку, если он и дальше будет молчать при людях о том, что узнал.

Савел выпустил повод. Лошадь у корыта тут же отвернула морду, и желоб начал подниматься на кривой подпорке.

— Я почерк узнал у Елизара, когда лист перевернули. Слово справа. Узнал потому, что у нас грузчики так сокращают «свободно». Это не одна рука. Если скажу, что знаю, чья, совру. Если скажу, что к нам отношения нет, совру опять.

— Сказать «наш», пока бумага у твоего рукава, было можно.

— Можно.

Она ждала, что он начнёт объяснять, почему промолчал. Савел остался стоять возле корыта. Потом дал лошади воды, придержал желоб, подложил вместо подпорки широкую плошку. Марена всё ещё могла уйти другой дорогой. На воз сядет после обеда за деньги, которых хватит до Ложка, оттуда письма доставляют вниз по межевому камню. С собой у неё две выписки и Янина работа. Если ехать с Савелом, надо будет понять, что каждый готов сделать тогда, когда встречный спросит за вчерашнее. Лошадь у корыта напилась. Савел повернулся к ней и спросил, держит ли она пока своё слово про обратную цену. Марена сказала, что цену держит. При любых следующих словах о зимней дороге он расскажет, что знает, при ней. Этот уговор они записали отдельно от шкур.

На Пепельную заставу можно было подняться через Глиняный ложок и по дороге отдать шкуру. Там старый печник срезал лопатой край обрыва. Две женщины с разными лестницами позвали их к пустому двору. У вдовы Иды крышу уже зашили, а камень, которым надо было закрепить от ветра правый край настила, лежал на луговине внизу. Соседки намеревались положить на край доску и удерживать до темноты. Если ночью кому-нибудь не хватит сил, ветер сорвёт утренние заплаты и завалит лаз на крышу. Марена спросила у Иды, кому она обещала платить, если камень поднимут с воза. Ида ответила: за крышу платила Яна, камень просила Ксению поднять, обещалась чинить для неё ботинки. Савел на такое стал снимать обмотку с задней оглобли; поднять можно сразу, если дать камню длинное плечо. Марена пошла к Ксении и прежде всего спросила, согласна ли та, чтобы они помогли поднять камень. Ксения недавно промёрзла на платной работе и теперь торопилась вернуться к своим. Согласна отдать за помощь старую лестницу, одна ножка всё равно прогорела. Нынче сапоги нужны ей к утру; в обмен Марена возьмёт меньше, если сможет сесть с инструментами у огня и еда не помешает.

Камень за три подъёма поставили до заката. Ида тщательно провела рукой по голубой метке на шкуре. Под ней надорванный стежок и твёрдая засохшая точка от последней платы. Шкура дошла, хотя с бумаги пришлось выпустить одну короткую бечеву. Она на глазах у Марены достала с печи Ксениины сапоги. Марена переднюю подмётку прибила в шести местах,

в седьмое, старое отверстие гвоздь вошёл без усилия. По ходу работы Ида рассказала про холодную пристройку у дальней дороги. Дом, где она раньше обогревала двоих за счёт обоза, теперь принимает низкую нитку впервые. В новом порядке выписывает чужих прямо по двум клеймам. Ни одного человека при этом в доме нет. Марена спросила, где ей это показывали. Она не могла ждать, что Ида даст ответ при всех. Ида показала на свой короткий край. Под надломленной дощечкой лежало письмо из Пепельной: просили назвать два тёплых места, сколько она готова принять людей зимой.

— Действительно два есть? — спросила Марена.

— Одно, — сказала Ида. — Второе для сына. Когда выходит, закрываю на себя до утра. Они посчитали от окна, там две доски.

Ида положила на бумагу дощечку с голым краем. Ей теперь предстояло показать следующее: денежную плату она ещё не брала и места без своего согласия не записывала, но отправила в начале года ведомость о каждом сухом настиле. Степные листы возили пачками. У внешней стенки на одном бланке стоял её домашний знак, на другом был только пустой рисунок двух досок. Марене пришлось попросить посмотреть всю тетрадку до конца. Она выписала слова «имеется» и «выдаём», первое без числа нитей, второе с именем хозяйки и обязательством. Ида велела ей сесть в окно, чтобы успели снять с обеих мелкие следы. Там Марена провела на большом белом листе пять черт, ниже — одну прямую и ещё одну кривую. По одним чертам листы почти не различались. Только слова показывали, где хозяйка описала свой дом, а где сама обещала место.

На Пепельной заставе они оказались после темноты. С ворот тянуло маслом. Лошадям дали передохнуть у низкой стены, прежде чем объяснили, каким въездом везти бумаги. За стеной у длинной лестницы распевались детские голоса; они считали чужие узлы, пока старший ставил на бирку час при свете. Женщина возле входа велела им подъехать к верхней двери: у нижней привязаны собаки. Савел повёл лошадей на шаг, Марена соскочила и подхватила Елизарову выписку. На крыльце ей стало видно, что в книге про тепло записывают отдельно имя взрослого и отдельно число детей. В одной из верхних строк уже стоял перечень мест, где такие записи нужны до снегов. «Яровое» прочли первым. Марена подождала, кто назовёт «Ильин» после. Дежурная повернула страницу. Для тех, кого ожидали взять двое родителей, сделали пустые две черты. На второй белой полоске лежал квиток с именем Иды.

Марена остановила дежурную и положила рядом Идину выписку. Две доски, одно доступное место. Попросила не заносить второе, пока не вернут дневное объяснение. Женщина не стала кивать сразу. Сняла с шеи короткий ключ, пошла к внутреннему окну, на ходу окликнула человека с дальнего котла. Тот вышел с мокрой рукой, прочёл оба листка и попросил Марену назвать имя. Она назвала. На рамке вокруг лампы сидела щепка в форме маленького ключа. Вместе с дежурной пришёл возница и сказал: тут свой порядок, при таком счёте нужен ремень хозяйки, чтобы перепроверить на её имя. Савел оставил повод у ночного столба, поднялся. Они с Мареной переглянулись. Не стоило ездить за Идой ночью, прежде чем узнают, что именно Пепельная уже от неё взяла.

— Вчера на Яровом носят пробные квадраты, — сказала Марена. — Где их здесь принимают?

— Внизу было, — сказала дежурная. — Теперь наверху. Спросите старшую.

Пока она говорила, кто-то спускал с верхнего этажа сухой сундук. Железный угол сундука цеплялся за каждую ступень. Марена ждала, когда вынесут сундук, после которого ей уступят дорогу. Но из комнаты шагнула женщина, которой прежде все так или иначе обязаны были прежним овсом. Марена почти сразу узнала Аграфену по серым концам ремня и по старому бледному ожогу у виска, точно над тем местом, где на неё теперь падало пятно лампы.

— Савел, ты вчера в починку опять отдал край? — спросила Аграфена у брата.

Савел ответил, нет, сменили сразу на дороге одной мерой овса. Посмотрел на Марену и добавил вслух, что принёс запрос о двух других мерах и людей, которые готовы сверить. Аграфена не отвела руки от ступени. Сверху видна была её ладонь, полная обычной древесной пыли. Она сказала: «Кто вернулся к прежнему счёту, у меня уже есть». Потом впервые за разговор перевела глаза на Марену, указала ей на вторую дверь и поинтересовалась, почему к ночному столу она пришла собственным именем, если вызвана под Савеловым. Марена ещё не успела ответить. Из второго проёма принесли табличку, куда утром должны были вписать принятые доли. Сверху на ней ясно стоял знакомый квадрат.

Глава 11. Тепло по описи

— Савел меня довёз, — сказала Марена. — За место на возу я ему заплатила.

Аграфена повернула к свету табличку. На ней никто ещё не подписался. Женщина, принёсшая её снизу, держала пальцы на нижнем крае, где перед каждой новой выдачей перетягивали петлю. Пока пальцы лежали так, табличку можно было принять за одну из тех, под которыми утром взвешивают муку. Марена надеялась, что и у квадрата окажется простой ответ: его ставили, когда припасы пришли на случайную ночную стоянку и их не успели переписать. Она уже видела, что происходит с лишним местом у Савела. Вот это движение, значит, должно выдавать и другие отметки.

— Довёз — беру тебя как попутчицу, — сказала Аграфена. — Не знаю, кем ты будешь здесь у выдачи.

— Шорницей. Таня просила сверить две снятые меры.

— У тебя её ключ есть?

— Нет. Ключи она при себе оставила.

— А если она сама сюда придёт и скажет, что тебя за этим не посылала?

Марена достала Танин лист, разложила его на чистой верхней ступени. Там имелись и выдача пришедшей женщины, и фамилия отправителя, и число снятых мер. Чтобы показать Танин лист, ключ от кладовой ей не нужен. Марена придержала лист и показала Аграфене строку с двумя снятыми мерами.

— Запишите только, с чем я пришла, — сказала Марена. — Потом спросите Таню сами.

Аграфена нагнулась. Её ладонь ещё пахла свежим деревом. За плечом у неё теперь стало видно, откуда пыль. Верхнюю ступень подменили доской, которую вечером выровняли, не успев смести опилки по углам. Тут действительно недавно спускали сундук. Его надо было ставить в место, где старый пол ещё выдерживает. У стены, где стоял сундук, кромку изгрызли мыши. Пока Марена смотрела, женщина у таблички подняла доску над ступенью и показала, что на обороте на новом дереве ещё держится стружка.

— Сумку твою унесли к женщинам, — сказала Аграфена. — Саблям и шорным ножам там одно место внизу. Если останешься на ночь, возьми свои щипцы прежде, чем лезть к окну.

Она подержала Танину бумагу, отдала дежурной. Велела записать обращение Марены своим именем, Яровое указать источником расходного листа. Дежурная начертила узкую полоску в общей книге. Когда Савел попросил внести и его слова, Аграфена подсказала ему, что здесь бывают и другие возчики. Пусть скажет, откуда именно узнаёт сокращение. Он пошёл к длинной скамье, показал пальцем старую ведомость там, где с третьей графы стерлась краска, а место для «свободно» от руки означали одними и теми же тремя буквами. Сам видел такие у своих грузчиков. Из Елизаровой выписки конкретный почерк не узнаёт. Дежурная успела записать, пока он договорил. Марена услышала, как тем же голосом он сказал, что одна мера за Онисима уже снята отдельно и за неё он не просит возмещения по этому делу.

— Утром будете искать две, — сказала Аграфена.

— Сегодня бы хоть посмотреть, какой на них квадрат, — ответила Марена.

Аграфена прошла мимо таблички и спросила, в каком боковом сарае у них остановились той ночью с Мелового съезда. Дежурная стала искать. Из трёх новых семей одна спала в кладовой на поставленных поперёк мешках. Над мочёным овсом давно ничего не навешивали, зато между полкой и тёплой стеной ещё можно было лечь. Дежурная взяла с гвоздя бирку и позвала человека от дальнего котла. Нужно пройти сейчас и проверить, не намокло ли одеяло там, где масло держали на зимнюю заслонку. Он ответил, что пойдёт вдоль стены, а пока пусть дадут сухую вещь. Аграфена сняла с плеч свою шаль и отдала ему. Попросила дежурную придержать край возле окна, чтобы тряпку не выдувало в золу.

— Вчера на Каменке оставили семерых, — сказала она Савелу. — У них один тёплый дом. Я спрашиваю, кто согреет воду, если десятеро придут. Отвечает каждый: у меня под печью место вроде есть. До снега я хочу понимать, сколько из этих мест настоящее. Когда узнаешь, что твоё крайнее не настоящее?

Савел отодвинулся. Марена видела, что он собирается рассказать про оставленную бадью и Ефима, и заранее сжала край рукава. Потом он обернулся к ней. Вместо ответа про бадью спросил Аграфену, кто был в том доме, когда на Каменке посчитали семь человек. Она назвала троих: женщины с маленькой девочкой, выезжавшие после ремонта крыши. Четвёртый, возница, до последнего стоял во дворе. Дальше имён она действительно не знала. Запись о котле и семь обещанных мест держались на одном расчёте. Отправили целый воз, вложили с собой чистые полотна, и только потом узнали, что трое уже прошли по верхней дороге.

— Видишь, сколько обходится ошибка? — спросила Аграфена.

— Видит всякий, кто полдороги на снегу ночует и не знает, откроют ли ему, — сказала Марена.

— Потому и ведём счёт. До утра я могу показать тебе уставную отметку. Рабочий узел теперь под двумя замками. Второй ключ у представителя дворов, он к дежурству ушёл на Каменку. Я без него могу снять только копию. Можем и ночью, если кто за ним отправится и спросит, решил ли он до утра поспать.

Значит, до утра им покажут только копию. Ехать за вторым ключом ночью Марена никого не стала просить. Марена подала Аграфене рисунок знака, который они с Ляхой сняли с яровского жетона. Держать рядом надо было вместе с табличкой. Человек от котла поначалу отодвинул всё к перилам. Аграфена повернула свет и признала, что прямоугольник с подрезом отмечает пробную затяжку. Её ставят у небольшого запаса, чтобы его можно было заморозить до сверки. Заготовки для неё действительно разослали три недели назад, вместе с пустыми листами. Если счёт замерзает, то под квадратом должна остаться нить возврата. По ней можно вернуть то, что сняли, когда хозяин резерва подтвердит возврат. Должна быть такая же насечка, как на третьем краю. Аграфена показала на внутреннее ребро. Марена поднесла свою прорисовку с Ярового почти к лампе. На пробном жетоне ребро с кругом было исковыряно. О насечке сказать нельзя. По сколу нельзя было понять, осталась ли петля возврата. Надо было увидеть её на рабочем шве.

— А на ремне человека можно ставить? — спросила она.

— На его запасе можно, если он согласен открыть обе стороны. На старой выездной доле затяжка вытянет третью петлю, а обратный конец до неё не достанет. Так делать нельзя, — ответила Аграфена. — Каждому у первого стола рассказываю.

Она дала дежурной чистую дощечку, чтобы попробовать перед ними. На дощечке закрепили две петли. В первую продели бечеву: Аграфена назвала двор, который обещает ночлег. Во вторую пустили нить возврата. Нить легла вдоль края, пока Аграфена слегка затянула её с двух сторон. На поверхности сразу выписался квадрат. Одно волокно в самой глубине осталось светлым и медленно подняло кромку, чтобы Марена смогла рассмотреть последний поворот. Здесь был путь назад. Тогда Марена достала рисунок с Онисимова ремня. У него тот же поворот лежал под кожей, где оба старых края удерживали по очереди. На открытой дощечке обратный конец можно было подцепить ногтем. У Онисима пришлось бы распороть подкладку, и то неизвестно, что ещё потянулось бы следом. Она впервые смогла это сформулировать, когда положила обе бумаги рядом и вставила между ними ноготь.

Аграфена посмотрела на рисунки, потом перевернула Танин лист.

— Кто он, твой человек, откуда?

Имя она прочитала. Удержала дыхание, как будто вспоминала не его лицо, а ширину разбитого обозного хода, на который он тогда первым вышел. Марена ждала вопроса о прежнем долге. Аграфена спросила, готов ли Онисим назвать, какой именно двор сначала отказал.

Марена не знала. Три следа на ремне они видели. Оставалось проверить, откуда пришёл каждый, и Яровое как раз остаётся тем местом, где брались за пряжку с иным назначением. Савел задержал дежурную и показал, где у них запись о местном завтраке. Когда дежурная взялась отметить Онисима готовым к сверке, Савел попросил оставить строку пустой. Онисим сам скажет, готов ли прийти.

Пока справлялись с бумагами, к ночному столу спустилась Идина соседка Ксения, та самая, чьи сапоги Марена подбила в Ложке. Спустилась она уже в этих сапогах. Один носок держался, другой только успела смазать. Принесла бирку и передала, что Ида теперь сама будет говорить, если речь о её кровати. Ксения утром пойдёт дальше, до утренней сверки домой не вернётся. Ей между тем сказали, что на полночь её уже приписали к трём местам за один угол. Она хотела проверить хотя бы своё. Аграфена окунула палец в чистую воду, развернула последний лист, где раньше Марена увидела две белые черты. Попросила показать Идин знак на бирке и подтвердила одно место для Ксении, в дальней комнате. Вторую запись сверху почернила, снизу расписалась при Ксении.

— Вот сколько мне потребовалось времени на одно место, — сказала она. — Если в этой книге сотня, и мы станем ждать, когда приведут каждого, на такой же мороз приедут люди с ещё одной сотней.

Марена вынула копию Идиной записи. Да, пришлось ждать. Но у Иды по этой записи одно место ещё остаётся и там кто-то спокойно сможет спать. Из бокового прохода появился человек от котла. Он сказал, что ему пригодилось Аграфенино полотно, а овёс снизу действительно начал отсыревать. Аграфена подала ему свой поясной нож, уже закрытый в ножнах, попросила вытащить два мешка и подложить сухие доски. Марена взяла с собой сумку и пошла следом. У неё руки тоже годились на то, чтобы вытянуть к стене два мешка. Пока держала тяжесть в полутьме, она поняла, что больше всего ей мешало на Пепельной. Здесь умели спасать людей вечером и успевали к утру уверить себя, что за них можно расписаться.

Глава 12. Чужая сторона полотна

На рассвете человек от котла вывел Марену к складскому столу. Его звали Родион. Одеяло для ночных соседей он вернул Аграфене свёрнутым и убрал в нагрудный карман ключ от пустой кладовой. Второго ключа всё ещё не было. Посланный за ним вернулся с Каменки затемно. Представитель дворов поднялся на верхнюю дорогу и не успеет до полудня; одному ночному сторожу он ключ не отдаёт. Родион сказал это спокойно и сразу спросил, нужна ли Марене платная работа. Сумка у неё с собой. Две упряжи, которые сняли ночью, надо вернуть хозяевам к полудню. Левый ремень тянет обеих лошадей, будто они одна с двумя головами.

У Петруни, которая привела лошадей, не хватало закрытого помещения. Одна стояла на чистой соломе, вторая смотрела из загона туда, где близко слышала первую. Между ними оставили пустой кол. Марена поставила обе упряжи на перекладину и потянула каждую своим движением. У правой вспухла старая заплата под плечом, у левой не хватает конца, который уходит на оглоблю. В таком виде, если обеих поставить к одному возу, сначала закинет наружу локоть младшей кобылы. Петруня хотела взять только свой ремень. Второй ей дали вместе с лошадью, а человек, кому он принадлежит, сегодня к заказу не подойдёт. Сама она раз в неделю пускает обеих наверх, на выгрузку. По одному оттуда вернутся раньше темноты только двое.

— Сколько с одной? — спросила она.

Марена назвала столько, сколько нужно за кожу и полтора часа работы. Петруня отцепила от своего ремня запасное кольцо и протянула. Вместе с кольцом можно будет приложить два медяка сейчас. Она расплатилась бы целиком, только из её денег сегодня вычтут плату за корм. На кого держат вторую лошадь, в книге начали писать с того месяца, когда старший сын передал её двору. По возвращении он собирался ещё выкупить ей борта. Если Марена примет кольцо, до снегов у неё найдётся чем заменить его на обеих упряжках. У Петруни на грузах хватало старых.

— Ты можешь заплатить к полудню, у верхней двери, — ответила Марена. — За кольцо сначала реши с сыном. Скажешь, что нужно на пару лошадей и сколько вам осталось.

Петруня подняла плечо. «К полудню» звучало для неё так, будто Марена отказала. Она пошла посмотреть, что сейчас осталось у стойки для общей платы. Марена сняла нить со своего резака, развернула вторую упряжь. Ей ещё предстояло набрать дорожных денег на обе остановки вперёд, потому и оставлять кольцо в чужом кармане было неудобно. Но Петруня собиралась оставить ей самую дорогую часть упряжи, пока даже не знала, согласится ли сын. Когда Марена согнула снятый ремень, под нижней заклёпкой блеснуло железо. Короткий конец ремня прежде крепили прямо к оглобле. С одной стороны остался жир, с другой кожа задубела от пота. Под запасным кольцом было место, куда кожа уже надорвалась. Если Петруня отдаст кольцо, на рваном месте и затянуть будет нечего.

Дверь в застольную камеру открыли в середине утра, вынесли сиреневый лоскут и повесили на крючок. Значит, для простого счёта больше не надо ждать у кола. Они с Савелом встали у малого окна. Савел согласился принять плату от Петруни, если она придёт, пока Марена шьёт. Елизаров конверт она продела в узкую часть своего пояса, оставила из-под ножен половину видимой. Пломбировавшую нить у края чистого листа никто пока не трогал. Савел посмотрел в сторону передней двери, где дежурная расставила две табуретки. Там сидел приехавший вчера на малом возу мельник, и в соседнюю строку записывали прежнюю плату за недошедшие бочки. Ближе к полудню должна появиться женщина из Ильина. Пока никто из двора, кроме Луки, не подтвердил путь письма на месте. Марена попросила Савела дождаться незнакомой женщины и оставить возле Елизарова конверта хотя бы одну табуретку.

Петруня вернулась к концу работы над первым ремнём. Она передала две медные монеты и поставила у перекладины грязный сапог, откуда достали тяжёлую железную пуговицу. Сын

послал пуговицу вместо ответного слова из другого двора. По ней мать прочла, что кольцо он отделять не будет. Сам принесёт остаток платы, потому что в буфете третьего лагеря ему только вчера удалось сдать излишек овса. Марена подождала, пока Петруня договорится со своим обозным мальчиком. Потом провела указательным пальцем по обеим половинам упряжи и попросила поставить лошадей ближе. У одной кобылы ремень перестал врезаться в грудь, когда верхний край передвинули на ладонь. У другой вернули застёжку на её старое место, сохранив кожу после заклёпки. Петруня села на перекладину, пробуя, как можно вывести обеих, не держа под мышкой длинный кнут.

— Вечером вы действительно наверх? — спросила Марена.

— Смотря кого дадут в пару. Сама знаю весь подъём, могу пешком рядом. Хоть через склад.

На Пепельной, за большим запасом, две дорожки вели к старому каменному колу. Одна кончалась там, где у двора уже не было рогатки. По словам Петруни, за прошлый год забор свели до половины, осталась стена с крюком. В этот крюк в первый день новых распоряжений попали сразу четыре дорожные нитки. Смотритель раньше принимал две, а после того для нужд резерва назначили одну с неровным срезом. Петруня слышала, что утром срез покажут всем, кто держит место сверху. Она попросила спросить у Родиона, кому платить за осмотр. Марена ответила, что дойдёт с ними. Там как раз понадобится человеку, чей конверт лежит у ремня, хотя бы два очевидца, которые знают дорогу и поймут, что значит свободная койка.

После полудня приехала сестра Луки, Татьяна Моргай. Со стороны колодца она спустилась пешком, потом села в сторону Пепельной на общественный воз. Под рубахой у неё было два сухих ярлыка. На первом назвали, куда её послали за свободными местами после того, как на Ильине затворило проезд. На втором — куда попали женщина с девочками. Татьяна знает о них, потому что сама накрывала за столом. Одна девочка разлила суп возле порога и потом принесла земли засыпать, чтобы никто взрослый не упал. Кто теперь приписал ей четвёртую меру, Татьяна так и не узнала. Ей не нужно четыре. Чтобы восстановить разъезды по своему двору, ей нужны две. Если ей дадут ровно две по свободному распоряжению, она вечером вернёт пустое место первой прибывшей девочке, которую они выпустили вчера после крыши.

Женщина у большого стола попросила обе Татьянины бумаги. Хотела прочесть на виду у всех, сколько ребёнку лет и откуда он пришёл. Татьяна сунула одну бумагу в пазуху и сказала, что дело её двора — поступление мер, а не девчонок взвешивать. Марена впервые за день предъявила конверт целиком. До разрыва нити можно сверить, совпадает ли отпечаток старого семени в отметке, а дальше приёмщик пусть сам назовёт соответствующий стол. Савел подал к ним широкую дощечку, чтобы бечеву перетащили из-под чужого листа. У стола собрались трое свидетелей. Савел, Татьяна, Петруня с недоделанным краем упряжи стояли, когда молодой приёмщик разорвал нитку и развернул половину под сухим светом. У края обнаружили след от липового семени. Дальше он прочёл «Пепельная, малые склады, приостановка». На слове «заменить» выяснилось, что велели заменить не два места на Ильине, а две пустые клетки в сводной ведомости. На освободившуюся меру группа мелких дворов сохраняла право на бумаге. Приёмщик дочитал до подписи дежурного, который пропустил запрос другим счётом.

— Кто из вас записывал это движение? — спросила Татьяна.

Парень показал на белые манжеты. Вчера он при колодце помогал разделять масло. У него подпись совершенно иная, а та была на знак из трёх незаконченных букв. Марена посмотрела на Савела. Тот подошёл и сам повторил, что на его конторе так сокращают «свободно». Здесь в строке подписи могло оказаться сокращение из первой половины, когда кто-то торопился и переносил сразу четыре строки. А могло быть, как назвал приёмщик: знак дежурного. Татьяна потребовала копию раскрытой половины. Приёмщик сначала записал «две меры возвращены», запнулся при общем молчании и зачеркнул последнее слово рукой. Получилось «две меры не поступили, счёт направления спорный». Татьяна себе эту строку выписала сама.

Когда опёрлась локтем о стол, у Марены получилось увидеть под её рукавом тонкую нитку, на которой уже свели выдачи двух женщин и трёх возчиков. Сами они друг другу ничего не обещали.

До главного узла их не пустили. Представитель дворов явился, но в стойке по прежней дороге началась проба подачи, и при всех он согласился дать ключ только по решению схода. Ночью не хватит двоих свидетелей, утром в очереди будет людей в семь раз больше. Если на проверке снимут хоть одну старую долю, двор должен знать, кого вместо неё обещал принять. Татьяна забрала первую копию себе и пообещала прислать к сходу своё показание, даже если не сможет приехать. На Каменке попросит написать отдельно. Петруня взяла Марену за локоть, показала на двух лошадей за козлами, обе целы и готовы идти. Можно было уехать до вечера. Теперь следовало решить, у кого Марена действительно зарабатывает и какой свой след оставит в этом доме. Она попросила Петруню подождать. У одной упряжи ещё нужен узкий стежок у оглобли. Времени до выезда достаточно, хотя здесь пока оставалась одна подписанная выписка, а Марена с Савелом пока не решили, кто понесёт вторую.

Глава 13. Подъём в две лошади

Последний стежок Марена сделала уже на лошади. Петруня держала оглоблю, кобыла переступала, и каждый раз, когда зажим опасно приближался к горячему боку, Марена убирала иглу и ждала, пока лошадь встанет. Потом последние два конца стянули, обрезали и ещё раз взвесили в руках старый ремень, на который приходилась большая часть натяжения. Петруня хотела, чтобы ей теперь дали пройти хоть одну улицу без вопросов о том, чья вторая лошадь. Марена отдала ей обе упряжи. Сын за своей обещал позже явиться с деньгами. Между обеими лошадьми переставили столько железа, что одинаковые стежки теперь с двух сторон не давали ремням надорваться.

— Ты с нами поедешь? — спросила Петруня.

— До каменного кола. У тебя под листом есть что-нибудь плоское?

Она дала Марене дощечку, с которой срезали два угла. Савел из конторы вынес новый лист, перечитали его в дверях, пока с телеги несли чужую подставку. Приёмщик оставил на своём экземпляре вторую дату от руки. Половину с первой датой Татьяна взяла себе. Марена сложила свою копию вокруг дощечки. У углов бумага загнулась. По дороге перестанет видно быть целиком, но имя и место получателя останутся на первой стороне. На дощечке можно будет показать комнату, где вскрывали Елизаров конверт.

— Кому отдать, если нас задержат? — спросил Савел.

— Луше у голубого порога. Татьяна увезла свою по другой дороге.

— А Луша после этого куда?

— До Серафимы. Она уже сама запишет, кто принёс.

Савел хотел ещё спросить, почему Марена сдаёт свою рукопись отдельной женщине, которой с заставы нельзя быстро приказать выйти. Марена видела, что он затем свернул свой лист ровно там же. У каждого имелось право вернуться и сказать, что больше ничего смотреть он не хочет. А отдать один лист другому всё-таки стоило до того, как вышли на верхнюю дорогу.

На первом подъёме повозку Петруни пришлось освободить от двух тяжёлых бурдюков. Внизу на заставе их брали за одинаковую цену, сверху один предназначался человеку, которого Петруня могла назвать только кривым банщиком. Второй — для кормовой стойки, где временами поили четырёх лошадей и зимой третьего конюха. На солнце мокрая кожа бурдюков нагрелась, а внутри вода всё ещё была ледяная. Марена взяла один за нижний конец. Савел поставил свой впереди, повернулся к ней и показал, что можно перехватить узел через локоть. Почти всю дорогу шли вдвоём у заднего борта. К концу этих первых ста шагов уже слышали, в какую сторону на сухой сыпи лежит старая доска.

Одна женщина с длинным грузом шла сверху. На её возу задние доски разошлись. Чем там грузили, Марена сперва не разобрала. По краям отдельные куски серебрились, как холст после стирки в холодном колодце. Тут под правым колесом проступила грязь. Петруня окликнула женщину, велела не перехватывать вожжи. Пока она шла по краю, Марена положила бурдюк горловиной к обочине и спустилась к последней доске. Под полотном оказалась солома, плотно спрессованная. Воз раскачивала тяжесть мокрого сена, пристёгнутого ниже досок. Если повернуть колесо на спуск, оно прорежет влажное ребро дороги ровно там, откуда они только вышли. Втроём они подвели грузовую стропу под плотно сдвинутый край. Женщина с передка позволила вдоль борта отцепить один конец. Потом начала сама подавать им мокрые связки. Марена приняла две. Савел удерживал оба колеса распоркой, пока Петруня не подложила чурку. Когда колёса подперли, мокрый груз отодвинули от края. Оттуда можно было довезти полтора воза, но один мокрый сноп они оставили в сторонке. За ним прискачет завтра Емельян, если сегодня довезут чурку к пустой стойке.

Женщину звали Анна. Она предъявила Петруне верхний вызов на три воза: в сене держали запас до двора у новой дышловой повозки. В её собственном счёте до вчерашнего оставалось одно место. Теперь ей показывают половину, а у полосы ставят квадрат. Анна сказала, что слышала это от Родионова сменщика. Кто разделил остаток, пока не знает, ей работать надо прежде. В своей половине она может держать всё, что возит для Пепельной; если поставить вечером молочную кадку для сестры, завтра на подъёме её уже не прочтут. Петруня у такого же места попросила разрешить две лошади. Её с Мареной пропустили по зимнему праву, пока Анне не пришлось приложить смещённый ярлык. С верхнего столба ей велели привести два списка. Один обо всём, что действительно везёт, а другой — почему запись у дома короче. Анна доехала до стола и поставила в конторе перед обоими мужчинами обрывок, на котором виднелись два бывших места груза.

Марена дошла следом. Её подвели к столу с бланками, над которыми висел старый перевёрнутый кол. Человек за столом сказал, что у двора есть свободное место. Показал вписанное слово. У него под рукой осталась полная цифра. На соседней доске загорелся синий квадрат. Значит, Анна не только теряет половину места: она уже должна в него что-то привезти. Сейчас отпустят с сеном, если заберёт остаток груза со склада, независимо от того, идёт ей место с мерой овса или позже. Марена спросила, входит ли у Анны в поездку эта плата. Мужчина назвал строку и ещё раз показал цвет. Синий от этого не поменялся.

— Я тебе что скажу, — произнесла Петруня. — Ты мою вторую лошадь прежде приложи, а потом запиши, откуда Анне место даёшь.

Петрунину вторую лошадь на виду у Анны привели к его месту. В нижней бечеве отчётливо пахло вымоченным льном. Нить от верхней выдачи нужно было просунуть сквозь маленькое кольцо на подковном ремне. Сухое место туда подали ещё вчера, виднелась новая медная мерка. Петруня не стала вынимать своё кольцо. Сказала, что сможет дать дорогу к стойке одному на полтора часа, потом поведёт обеих дальше. Пока она держит край, кто-нибудь поднять скобу сможет. Мужчина потянул нить. Она пошла до большого пальца и встала жёстко. На Пепельном листе открыли запись о временном прогоне на обеих лошадях. У Анны в этот момент синий квадратик погас и слово «свободно» открылось на полпальца. На Аннином возу никто ничего не переставлял.

Мужчина в окне поспешил объяснить, что общий стол не возьмёт в одну меру две лошади и сено на них. Сейчас общая бумага читает только свободный вес, а кто именно стоит у стойки. Петруня возразила: она дала одну помощь, держит две лошади, от сена взялась только за одну скобу, а у Анны за это меняется деление. Посмотрела на обоих, кто мог ещё повторить её слова, вытянула руку из кольца. Синий свет у Анны снова поднялся, хотя женщина так и не прикасалась к лошади. Мужчина у кола махнул им на открытие через другой проезд. Его табличка осталась висеть, но вторую строку, где раньше было написано «место свободно», он перевернул. С неё пришла пора стирать что-то лишнее. Анна попросила не стирать, пока не поставит рядом свой час.

Марена успела записать, как синий знак меняется дважды при одних и тех же вещах на возу. Савел подписал, Петруня тоже. Можно было бы спросить, кто к утру поставил два места у Иды именно такой формой. Но из того, что они только что видели, следовало уже достаточно для другой проверки. Если отдавать помощь при людях, открытый узел позволяет расширить один счёт за счёт того, что на соседнем месте сразу считается доступным. Марена вспомнила, как Луша могла нести свои тесёмки к Яне и к Серафиме. Там оба конца приходили от людей и продолжали держаться отдельно. Здесь один общий лист на соседней стойке решал, что входит в обещание для самого верхнего места. Ей понадобился свидетель, который сможет назвать, кто именно держал на скобе обе руки.

— Я скажу, — сказала Петруня, когда Марена попросила. — У меня даже лошадь как раз знает, откуда держать.

Сын Петруни наконец показался за старой стеной. У него было два медяка и рукавица вместо одной плохо зашитой шапки. Он сначала подбежал к матери, спросил, отчего воз ещё тут. Петруня сказала: на глинистой полосе придержала колесо. Назвала дело на сходе, показала, как низко лежит бурдюк. Если сын успеет отогнать лошадей сам, она останется и завтра скажет, как держала ремень. Если слишком далеко, она приедет позже. Сын задумался, потом показал, что у одного плеча давно просит накинуть ремень отдельно. Ему можно провести обеих, но только без второго бурдюка. С двумя бурдюками он надорвётся, пока вынесет их на подъёме. Петруня согласилась и передала сыну поводья. Марена увидела, как он бережёт запястье, и вернула ему деньги за починку: пригодятся на перевязку. Сын вернул деньги. За работу он обещал, сам у матери выкупил. Марена приняла их, показала, где прижимать новый шов рукой, чтобы на спуске не сорвать правую сторону.

Пока он разъезжался со стойкой, у них с Савелом оказалось одно свободное место у перил. Марена вынула дощечку и отдала копию Анне. Семейным молоком та действительно занимается у Низкой, сможет отдать Луше перед обедом. Первую главную выписку Татьяна увезла к Ильину, так, по крайней мере, не придётся искать двух бумаг в одной проходной. Анна сунула дощечку между холстом и осью, где сено защищало от мокрого лоска. Сказала, что никому больше не обещает куда-то ездить по просьбе заставы. Потом сама, услышав шум колеса, попросила Петруню со двора привести ещё две подпорки, пока вернут прежнюю дорогу. Марена увидела, как новая копия скрылась у неё под сухой тканью.

Наверху Савел предложил ей сойти на тихую сторону. Марена тогда впервые заметила, что у него на пальце кровь: тянули колёса, он задел пальцем гвоздь в наружной доске. Рука на открытом воздухе почти уже подсохла. Она раскрыла сумку, нашла сухой лоскут и спросила, хватит ли теперь одного пальца для удержания вожжей. Савел сказал, что ему хватит начать с того, чтобы кто-нибудь рядом сказал, куда перестать тянуть. Марена смочила лоскут, приложила к порезу. Тепло от пальцев пошло в ладонь. Она ждала, пока он свыкнется с её рукой. Сам он в это время подвинулся ближе, чтобы было удобнее. До спуска им больше никто не сказал, с какой именно стороны они стоят.

Глава 14. Лёгкое место

Ночлег у Пепельной Марена на этот раз искала сама. Возле задних ворот сдавали места под лестницей, на Бычьем спуске держали хороший сеновал, но к нему надо было идти за версту от стола, где утром собирались принимать заявления. Петруня посоветовала Варсанофия, здешнего медника. Варсанофий брал за постой дровами. Марена уже один раз видела, с чем он работает. У заставы везде, где штампом били узкий квадрат, ставили медное кольцо с маленькой выбоиной. Своим знаком Варсанофий помечал другое место, на ребре у выреза. Узнать его можно даже на тёмном стенном углу. Если он сможет приложить такой же штамп к простому ремню при свидетелях, на сходе её услышат быстрее.

Варсанофия застали у крыльца: он проверял железную распорку. Нижний конец у неё проржавел, верхний ещё держался. Медник отвёл Марену к сухому месту, показал раскрытое окно под восемью перекладинами и сказал, что ей надо решать, во сколько оценит починку его ремня. Сам в этом году на крышу не полезет. Савел попросил у него лестницу, поставил и поднялся вместе со связкой коротких дров. Сверху видна была дорога. Марена услышала, как он дважды позвал её посмотреть. Она не пошла. Уже так случалось: позовут через окно, она возьмётся держать чужие ноги, а потом трое наступят на то, что она сама приготовила для себя. Здесь у двери нужно было договориться о медном образце, пока Варсанофий ещё у себя.

Варсанофий принял её цену и дал одну чистую заготовку. Вытащил из ящика ещё и старый брак: полукруг, продавленный насквозь у третьей точки. Кто-то из Пепельной просил в прошлом году заделать четыре подпорки на верхнем ходе. Варсанофий всегда просил прикладывать квадрат к ремню у окна, чтобы сразу проверить, куда ляжет нить. Заказчики с заставы требовали делать это в тени. Говорили, что посторонним незачем видеть дорожку внутри. У мастеровых с прошлой недели пошли разные заказы. Одни, старые, требовали прямой угол, две нити и возможность вытащить лишнюю, другие просили снять с края только одну мелкую часть, а обрезок им сдать вместе с новой медью.

— Кто просил обрезок? — спросила Марена.

— Кланялись от заставы. Там ходят люди, которые всегда кланяются от заставы. Приходит чужой мастер и говорит: заодно давай мне обрезки, мы их учтём. Я свои обрезки сам выдаю. Пусть на моём углу посмотрят, сколько было, потом учтут.

Он принёс расходный лист. На листе записывали готовые заготовки и старое железо. Графа для обрезков осталась пустой: Варсанофий ничего не отдал. Марена спросила, сможет ли он на сходе при них показать угол. Варсанофий велел перенести с улицы тягу и заодно попросить Савела спустить с крыши остаток дров. Потом подошёл со скамьёй, чтобы отнести туда готовую ременную петлю. В потёмках у него побаливала спина, об этом он заботился словами вполголоса, отдельно от своих условий.

В соседней комнате им дали перегородку на трёх крючках. Внизу не хватало четвёртого, и край волочился по полу. Савел положил под перегородку свою шляпу. Поставил на край столика две миски. К одной миске долго искал подходящую ложку. Марена снимала у двери пальто и видела, как быстро он расправился со своей одиночной ночёвкой, хотя пришёл с ней и бумага осталась у них на двоих.

— Ты домой собираешься вернуться до схода? — спросила она.

— К какому дому?

— Ко двору. К Луше надо послать срок, чтоб не ждала меня сегодня. Кто из твоих уйдёт утром?

Савел назвал Илью с площадки. Марена записала. В северной комнате у Варсанофия чужая девочка запела совсем тихо, и Савел накрыл рукой край миски, чтобы звук от глины не

перебивал. Марена вдруг решила спросить его то, о чём они раньше уже начинали говорить на возу.

— Ты говорил про ключ. Кто первым тебя в обоз взял? Кому ключ оставляли тогда?

— Сестра. Мы с ней потом сами сезон собирали, после того как мать слегла. После каждой смены она показывала мне на рынке, какие обещания надо закрыть и за что ещё платить.

— Ты должен ей всё, что сейчас есть?

— Часть.

Ему пришлось повторить это медленнее. Часть — та, за которую она, когда денег не было, обещала руками своей матери. В остальном пять лет он сам отвечал за людей, вёл груз, выкупал лошадей и вещи. Но в бумагах до сих пор могло оставаться сколько угодно его сезонов, под которыми стоит первая сестрина роспись. Если завтра он у своего стола скажет, что контора записала неизвестные меры, ему укажут на четыре договора и при первом же снегу смогут вывезти его людей под хозяйской отметкой. Сам Савел на чужом возу до весны проживёт. У троих возниц дети, у Тони муж не может ходить от собственного окна до печи. «Часть», которую он сказал, стала больше, чем ей сначала показалось. Она наклонилась за хлебом, посмотрела, где можно отломить ещё одну корку, не свалив нож на пол.

— Про меня у двора знают, что я своя, — сказала она. — Теперь вдруг придётся говорить, что взяла документ и пришла куда захотела, а потом сама прошу дать дворам право выбирать. Летом, когда кожу привезут сперва к Серафиме, кто меня в список поставит? Мне тоже одной не хватит. Если я начну сейчас каждому одалживать по полке того, что уже обещала Луше, она будет со мной жить ровно пока не сможет съехать. Потом купит себе вещи и попросит больше без неё не считать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.